

Жюль Верн НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕДИЦИИ БАРСАКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЛО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

Смелый налет на Центральный банк, волновавший прессу и в продолжение двух недель занимавший ее страницы под сенсационными заголовками, не изгладился из памяти людей, несмотря на протекшие годы. Мало преступлений, в самом деле, возбуждало всеобщее любопытство в такой мере, как это; не много случалось дел, соединивших в себе привлекательность тайны и злодейскую изобретательность и потребовавших для выполнения невероятной смелости и свирепой решимости.

Рассказ об этом, хотя и не полный, но совершенно правдивый, возможно, будет прочитан с интересом. Если этот рассказ не осветит с абсолютной ясностью все пункты, до сих пор остающиеся в тени, то он сообщит, по крайней мере, некоторые новые точные данные, исправит и

поставит в связь противоречивые сообщения, помещенные в ту эпоху в газетах.

Грабеж произошел в Агентстве ДК Центрального банка, расположенного близ Лондонской биржи, на углу Треднидл-стрита и Олд-Брод-стрита; Агентством управлял тогда Льюис Роберт Бакстон, сын лорда Гленора.

Агентство занимало одну большую комнату, разделенную на две неравные части длинной дубовой конторкой, стороны которой сходились под прямым углом.

В Агентство входили с перекрестка уже упомянутых улиц через застекленную дверь, которой предшествовало нечто вроде тамбура на одном уровне с тротуаром. Налево у входа, за решеткой с крупными ячейками, была касса, сообщавшаяся дверью, тоже зарешеченной, с помещением служащих. Направо дубовая конторка прерывалась на конце подвижной створкой, позволявшей проходить из части, предназначенной для публики, в помещение служащих. В глубине этого последнего, близ конторки, была дверь в кабинет директора Агентства, не имевший другого выхода. Далее, следуя по стенке, перпендикулярной Треднидл-стриту, начинался коридор, который вел в общий вестибюль дома, где помещалось Агентство.

С одной стороны вестибюль проходил перед

швейцарской и вел на Треднидл-стрит. С другой, у главной лестницы, он оканчивался стеклянной двустворчатой дверью, не позволявшей видеть снаружи вход в подвалы и черную лестницу, расположенную напротив парадной.

Такова была обстановка, где развернулась эта таинственная драма.

В момент, когда она началась, в пять часов без двадцати минут вечера пять служащих Агентства занимались обычной работой. Двое из них писали. Трое других беседовали с посетителями, облокотившимися на конторку. Кассир под защитой решетки подсчитывал наличность, достигнувшую в тот день, завершавший месячные расчеты, внушительной суммы в 72 079 фунтов 2 шиллинга и 4 пенса, или в 1 816 393 франка 80 сантимов.

Как уже сказано, часы Агентства показывали без двадцати пять. Следовательно, через двадцать минут Агентство закроется, железные шторы будут спущены, и немного позже служащие разойдутся, закончив трудовой день. Заглушенный грохот экипажей и шум толпы проникали снаружи через оконные стекла, потемневшие в сумерках последнего дня ноября.

В это время открылась дверь, и вошел человек. Он бросил быстрый взгляд, полуобернулся и сделал наружу, без сомнения, компаньону, оставшемуся на тротуаре, жест правой рукой;

большой, указательный и средний пальцы его изображали число три.

Служащие не видели этого жеста из-за полуоткрытой двери; но и увидев, вряд ли заметили бы соответствие числа клиентов, облокотившихся на конторку, числу поднятых пальцев.

Подав сигнал, человек вошел в банк и встал позади одного из клиентов.

Один из двух свободных конторщиков поднялся и, подойдя к нему, спросил:

— Что вам угодно, сударь?

— Благодарю вас, — ответил новый посетитель, — я подожду, — и он показал жестом, что желает иметь дело именно с тем служащим, около которого остановился.

Конторщик не настаивал, сел за свой стол и принялся за работу. Человек ждал, и никто не обращал на него внимания.

А между тем его странная внешность заслуживала самого серьезного внимания.

Это был здоровяк высокого роста. Судя по ширине плеч, он обладал необыкновенной силой. Великолепная белокурая борода окаймляла смуглое лицо. Об его общественном положении нельзя было судить: костюм был скрыт длинным плащом-пыльником из шелка-сырца.

Клиент, стоявший впереди, кончил свое дело, человек в пыльнике стал на его место и начал, в

свою очередь, разговор со служащим Центрального банка о тех операциях, которые он хотел предпринять. В это время посетитель, которого он заменил, отворил наружную дверь и покинул Агентство.

Дверь немедленно открылась, и вошел второй субъект, настолько же странный, как и первый, копией которого в некотором роде он являлся: тот же рост, та же ширина плеч, такая же белокурая борода, окружавшая загорелое лицо, такой же длинный плащ скрывал одежду.

Этот второй субъект поступил, как его двойник, он терпеливо ожидал позади одного из двух посетителей, еще стоявших у конторки, потом, когда пришла очередь, завел разговор с освободившимся служащим; клиент в это время оставил помещение.

И, как перед этим, дверь тотчас открылась. Третий человек вошел и занял очередь за последним из трех первоначальных клиентов. Среднего роста, широкий и коренастый, с красным лицом, обрамленным черной бородой, в одежде, прикрытой длинным серым плащом, он одновременно и отличался и походил на тех, что вошли перед ним.

Наконец, лишь только последний из трех посетителей, которые до этого находились в Агентстве, закончил дела и освободил место, как

открывшаяся дверь дала проход сразу двоим. Эти два человека, из которых один, казалось, обладал геркулесовской силой, были одеты, хотя погода этого еще и не требовала, в длинные просторные пальто, обычно называемые ульстерами; как и у трех первых, густые бороды украшали их загорелые лица.

Они вошли странным образом: более высокий появился первым, едва войдя, остановился так, что прикрыл компаньона; тот, притворившись, будто зацепился за ручку двери, проделал с ней какую-то таинственную операцию. Задержка продолжалась недолго, — и дверь закрылась; но в этот момент у нее осталась только внутренняя ручка, позволявшая выйти, а наружная исчезла. Таким образом, больше никто не мог войти в контору. Можно было постучать в окно, чтобы открыли, но никто не попытался бы это сделать, так как наклейка на двери извещала заинтересованных лиц, что Агентство на этот день закрыто.

Служащие не подозревали, что были отрезаны от внешнего мира. Да, впрочем, если б они и знали это, то лишь посмеялись бы. О чем можно было беспокоиться в центре города, в самое рабочее время дня, когда к ним доносилось эхо деятельной жизни улицы, от которой их отделяла лишь тонкая пленка стекла?

Двое незанятых конторщиков устремились ко

вновь пришедшим с любезным видом, так как заметили, что часы уже показывают около пяти. Значит, визит посетителей будет коротким, и от них можно будет отделаться меньше чем через пять минут. Один из запоздалых клиентов принял услугу, в то время как другой, более высокий, пожелал переговорить с директором.

— Я посмотрю, здесь ли он, — был ответ. Служащий исчез через дверь в глубине бюро, недоступную для публики, и тотчас появился.

— Потрудитесь войти! — предложил он, открывая подвижную створку в конце конторки.

Человек в ульстере последовал приглашению и прошел в кабинет директора, тогда как конторщик, закрыв за ним дверь, вернулся к работе.

Что произошло между директором Агентства и его посетителем?

Впоследствии, отвечая на вопросы, служащие утверждали, что ничего не знают, и этому можно поверить. Произведенное следствие свелось к различным предположениям на этот счет, и даже теперь мы в неведении о сцене, которая разыгралась за закрытой дверью.

Одно достоверно: не прошло и двух минут, как дверь снова открылась, и человек в ульстере показался на пороге.

В безразличной манере, не обращая ни к кому из служащих в частности, он произнес

совершенно спокойным тоном:

— Пожалуйста... Господин директор желает говорить с кассиром.

— Хорошо, сударь, — ответил тот из конторщиков, который не был занят.

Повернувшись, он позвал:

— Стоп!

— Мистер Берклей?

— Вас спрашивает директор.

— Иду! — ответил кассир.

С аккуратностью, свойственной людям его профессии, кассир бросил в несгораемый шкаф портфель и три мешка, содержавших в билетах и звонкой монете кассовую наличность, шумно захлопнул тяжелую дверку, потом, опустив окошечко, вышел из зарешеченной клетки и, заботливо закрыв ее за собой, направился к кабинету начальника. Ожидавший посетитель пропустил кассира и вошел вслед за ним.

Войдя в кабинет, Стоп с изумлением заметил отсутствие того, кто его будто бы вызывал: комната была пуста. Но ему не хватило времени разьяснить загадку: стальные руки схватили его сзади за горло. Напрасно он пытался биться, кричать; убийственные руки сжимали его все крепче, пока он не повалился на ковер без дыхания, без чувств.

Ни малейший шум не выдал этого свирепого нападения. В большой зале служащие спокойно

продолжали свое дело: четверо — занятые с клиентами, отделенными от них конторкой, пятый — погруженный в расчеты, касающиеся работы.

Человек в ульстере вытер со лба капельки пота, потом наклонился к своей жертве. Быстро и ловко он связал кассира и заткнул ему рот.

Покончив с этим, он тихонько приоткрыл дверь и бросил взгляд в большую залу. Удовлетворенный осмотром, он слегка кашлянул, как бы для того, чтобы привлечь внимание четырех странных запоздалых клиентов, потом одним толчком открыл дверь, его скрывавшую.

Это был, без сомнения, заранее условленный сигнал к сцене, буквально фантастической. Человек в ульстере пересек одним прыжком залу и, обрушившись как гром на одинокого счетовода, безжалостно стал душить его, и в то же время четверо остальных конторщиков подверглись той же участи.

Клиент, стоявший у конца конторки, перескочил через дверку и опрокинул навзничь служащего, который был перед ним. Из трех остальных посетителей двое протянули руки через конторку и, схватив за горло своих почтительных собеседников, стали жестоко ударять их о дубовую стойку. Последний же, самый низкорослый, не мог схватить визави из-за большого расстояния, их разделявшего; он перепрыгнул через конторку и

схватил за горло своего противника с силой, удвоенной прыжком.

Не раздалось ни одного крика. Драма продолжалась не более тридцати секунд.

Когда жертвы потеряли сознание, душители закончили битву. План налета был продуман до мельчайших подробностей. Все было наготове, не замечалось никакого раздумья. Нападающие сразу вытащили из карманов необходимые принадлежности. Рты всех служащих банка были заткнуты ватой и завязаны, хотя это и грозило жертвам смертью от удушья, руки завернуты назад и скручены, ноги крепко связаны, и вытянутые тела опутаны стальной проволокой.

Все было кончено в одно мгновение. Одновременно пять нападающих выпрямились.

— Штора! — приказал тот, кто просил свидания с директором. Он, очевидно, командовал.

Трое бандитов бросились к железным рукояткам у витрин. Ставни начали спускаться, постепенно заглушая уличный шум.

Дело было выполнено наполовину, как вдруг раздался телефонный звонок.

— Стоп! — приказал атаман шайки.

Когда штора перестала опускаться, он приблизился к аппарату и снял трубку. Произошел следующий разговор, лишь половина которого достигла до слуха временно бездействовавших

грабителей.

— Алло!

— Я слушаю.

— Это вы, Бакстон?

— Да.

— Странно, я не узнаю вашего голоса.

— Аппарат поврежден.

— Не у нас...

— Это здесь. Я тоже не узнаю вашего голоса.

— Мистер Лазон.

— Ага, так, так! Теперь я узнал...

— Скажите, Бакстон, карета уже была?

— Нет еще, — ответил бандит после краткого колебания.

— Когда она придет, прикажите ей завернуть в Агентство 5. Мне сейчас звонили, что они только что получили значительный вклад после закрытия конторы и отправки фондов.

— Большая сумма?

— Приличная. Около двадцати тысяч фунтов¹.

— Черт побери!

— Принимаете поручение?

— Рассчитывайте на меня.

— До свиданья, Бакстон!

¹ Больше 500 тысяч франков — Прим. Ж. Верна.

— До свиданья!

Незнакомец положил трубку и остался на мгновение б задумчивой неподвижности.

Внезапно он принял решение и собрал сообщников Вокруг себя.

— Надо действовать, друзья, — сказал он тихо, начиная лихорадочно раздеваться. — Живо! Дайте-ка мне шкуру с того парня!

Он указал пальцем на Стора, еще лишенного чувств.

В мгновение ока кассир был раздет, и грабитель натянул на себя его одежду, хотя она была ему немного коротка. Найдя в одном из карманов ключи от кассы, он открыл кабинку, затем несгораемый ящик, откуда вынул мешки со звонкой монетой, портфель с билетами и пачки ценных бумаг.

Едва он кончил, как послышался стук кареты, остановившейся у тротуара. Почти тотчас же постучали в стекло двери, полузакрытой металлической шторой.

— Внимание! — поспешно сказал атаман банды душителй, сопровождая слова выразительными жестами. — Долой плащи, пусть будут видны ваши пиджаки, и по местам — в момент!.. Чтобы не всполошить того, кто войдет! И без шума!.. Потом, когда закроется дверь, не открывать никому, кроме меня!..

Нагруженный портфелем и несколькими пачками бумаг, он, все еще говоря, приблизился к двери. Трое сообщников сели по его знаку на места служащих, затолкнув тех ногами под конторку; четвертый поместился у выхода. Он открыл дверь твердой рукой. Внезапно ворвался уличный шум.

Перед Агентством в самом деле остановилась банковская карета. Видно было в темноте, как блестят ее фонари. Кучер, оставаясь на козлах, разговаривал с человеком, стоявшим у тротуара. Это был инкассатор² Центрального банка, который только что постучал в дверь.

Не спеша, избегая прохожих, поток которых не прерывался, смелый бандит пересек тротуар и подошел к карете.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — ответили ему.

Кучер, взглянув на того, кто к ним обращался, по-видимому, удивился.

— Смотрите! Да это не Стор! — вскричал он.

— Сегодня у него отпуск. Я его заменяю, — объяснил мнимый кассир. Затем он обратился к инкассатору, стоявшему перед ним: — Эй! Помоги немножко, приятель!

² Инкассатор — кассир, перевозящий ценности из местных отделений в центральное учреждение.

— В чем дело?

— Там один из наших мешков... Сегодня получили много монеты, а это тяжелая штука.

— Мне запрещено покидать карету, — сказал инкассатор, колеблясь.

— Ба! На минутку! Впрочем, я тебя замещу здесь. Один из служащих поможет тебе, пока я разгружу портфель...

Инкассатор удалился, не возражая больше, и вошел в дверь, которая закрылась за ним.

— Слушай, приятель! — сказал кучеру тот, кто подменил Стора. — Открой карету!

— Иду! — согласился кучер.

Кузов кареты не имел выхода ни сзади, ни по бокам: единственным отверстием была двустворчатая железная дверка позади козел. Таким образом, риск воровства сводился до минимума.

Чтобы проникнуть в карету, следовало отвернуть скамейку кучера, половина которой была сделана подвижной. Но когда речь шла только о том, чтобы положить несколько пакетов в один из ящиков, находившихся внутри кареты, кучер счел возможным избавить себя от этой работы и просто толкнул дверку.

— Давай портфель! — сказал он.

Получив то, что просил, кучер, склонившись с козел, исчез до половины внутри кареты, а ноги уравнивали его снаружи. В этом положении он

не мог видеть, что его предполагаемый сослуживец поднялся на подножку, а затем и на сиденье, таким манером, чтобы отрезать кучера от вожжей. Распростершись над кучером, мнимый кассир, точно ему было любопытно посмотреть, что находится внутри кареты, в свою очередь, засунул туда голову и плечи, и его рука с силой устремилась в темноту.

Если бы одному из многочисленных прохожих пришла в этот момент мысль взглянуть поближе, он увидел бы, что ноги кучера внезапно и странно окостенели, а потом бессильно опустились на доску сиденья, а туловище обмякло с другой стороны скамейки. Грабитель мгновенно схватил безжизненное тело и бросил в карету посреди мешков и пакетов.

Все эти поступки, выполненные с изумительной точностью и смелостью, заняли несколько секунд. Прохожие продолжали мирно идти мимо, не подозревая о необычных событиях, происходивших тут же, среди толпы.

Человек еще сильнее наклонился в карету, чтобы его не ослепляли уличные огни, и посмотрел внутрь. На полу, в луже крови, увеличивавшейся на глазах, валялся кучер с ножом в затылке. Он не двигался: смерть настигла его молниеносно.

Убийца, боясь, как бы кровь не просочилась через пол и не начала капать на землю, спустил

ноги со скамейки, целиком влез в карету и стащил с мертвеца куртку. Он заткнул ею ужасную рану. Заботливо обтерев нож и свои окровавленные руки, он закрыл железную дверцу, уверенный, что если кровь будет течь, то шерсть впитает ее, как губка.

Приняв эти предосторожности, он выбрался из кареты и постучал особенным образом в дверь Агентства, которая немедленно открылась и затем закрылась.

— Человек? — спросил он, войдя. Ему указали на конторку.

— Вместе с другими. Связан.

— Хорошо! Его одежду, живо!

Приказание было поспешно выполнено, и он сменил костюм кассира Стора на одежду инкассатора.

— Двое останутся здесь, — распорядился он, продолжая преображаться. — Остальные со мной, чтобы очистить повозку.

Не дожидаясь ответа, он снова открыл дверь, вышел в сопровождении двух приспешников, поднялся на сиденье, вошел в карету, и грабеж начался.

Он передавал один пакет за другим сообщникам, и те переносили их в Агентство. Свет, проникавший через распахнутую дверь, вырезал блестящий квадрат на тротуаре.

Прохожие, выходя из темноты улицы, чтобы

тотчас в нее вернуться, беззаботно пересекали светлую полосу. Ничто не помешало бы им войти. Но такая мысль не приходила никому, и толпа текла, равнодушная к операции, которая ее не касалась и в которой ничто не представлялось подозрительным.

Через пять минут карета опустела. Закрыв входную дверь, приступили к разборке. Ценные бумаги, акции и облигации были отложены в одну сторону, деньги — в другую. Первые, безжалостно отброшенные, усыпали паркет. Банковые билеты разделили на пять частей, и, взяв по одной, каждый спрятал свою под пиджак.

— А мешки с монетой? — спросил один из бандитов.

— Набейте карманы, — отвечал главарь. — Что останется, в повозку. Я займусь ею.

Ему быстро повиновались.

— Минутку! — вскричал он. — Условимся обо всем. Когда я отправлюсь, останьтесь здесь и закончите спуск шторы. Потом, — добавил он, показывая на коридор, открывавшийся в глубине залы, — выйдете отсюда. Последний закроет дверь двойным оборотом и бросит ключ в водосток. Не забудьте о простофиле! Вы помните приказ?

— Да, да! — отвечали ему. — Будь спокоен. Собираясь выйти, он еще задержался.

— Черт! — сказал он. — Я не подумал о

самом главном. Здесь должен быть список других агентств...

Ему показали приклеенное в уголке стекла желтое объявление, содержащее необходимые сведения. Он пробежал его глазами.

— Да, насчет плащей, — сказал он, найдя адрес Агентства S, — бросьте их в угол. Пусть их здесь найдут. Важно, чтобы их не видели больше на наших спинах. Встретимся, знаете где... В путь!

Не поместившееся в карманах грабителей золото и серебро было перенесено в карету.

— Это все? — спросил один из бандитов.

Атаман подумал, потом воскликнул, пораженный внезапной мыслью:

— Черт возьми, конечно, нет! А мои пожитки?

Бандит пустился рысью и тотчас вернулся, таща одежду, незадолго перед тем смененную атаманом на костюм Стора; он на лету швырнул ее в кузов кареты.

— Теперь уж все? — спросил он снова.

— Да! И не копайтесь! — был ответ.

Бандит скрылся в Агентстве; железная штора окончательно опустилась.

А в это время импровизированный кучер схватил вожжи и разбудил лошадей ударом кнута. Карета закачалась, покатила по Олд-Брод-стриту, завернула на Трогмортон-стрит, проследовала по Лотбург-стриту, потом по Грехем-стриту,

повернула на Олдергэт-стрит и у номера 29 наконец остановилась перед Агентством S.

Мнимый кучер смело вошел туда и направился в кассу.

— Кажется, у вас есть для меня пакет? — сказал он. Кассир поднял глаза.

— Как, — удивился он, — это не Бодрюк!

— Честное слово, нет! — подтвердил мнимый инкассатор с грубым смехом.

— Я не понимаю, — заворчал недовольный кассир, — почему правление посылает незнакомых людей...

— Это потому, что я не в своем участке. Мне велели в Агентстве В приехать сюда после телефонного звонка из Банка. Кажется, вы получили здоровый вклад после закрытия.

Он тотчас нашел этот правдоподобный ответ, так как перечень агентств Центрального банка был еще свеж в его памяти.

— Да... — согласился кассир с невольным подозрением. — Все равно, мне не нравится, что я вас не знаю.

— А вам-то что? — возразил тот с удивлением.

— Ведь столько воров!.. Но, впрочем, это можно устроить. Я полагаю, ваш документ с вами?

Если что-нибудь могло смутить бандита, это был как раз такой вопрос. О каком документе шла

речь? Но он не смутился. Когда отваживаются на такие приключения, надо иметь особые качества и, сверх всех прочих, абсолютное хладнокровие. Этим качеством мнимый инкассатор Центрального банка владел в высшей степени. Если он и взволновался так неожиданно предложенным вопросом, то ничем этого не показал и ответил самым естественным тоном:

— Черт побери, разумеется!

Он естественно рассудил так: если предполагают, что «документ» при нем, то это, должно быть, какое-то удостоверение, всегда носимое служащими Центрального банка с собой. Роясь в куртке инкассатора, которого он заменил, он найдет, без сомнения, этот знаменитый «документ».

— Я поищу, — добавил он спокойно, садясь на скамью и принимаясь опоражживать карманы.

Он доставал многочисленные бумажки, письма, служебные записки и прочее, все обтрепанное и помятое, как всегда бывает с тем, что долго носят при себе. Подражая неловкости мастеровых, у которых опухшие пальцы больше привычны к грубой работе, чем к обращению с документами, он развертывал одну бумажку за другой.

После трех попыток он раскрыл печатный документ с пробелами, заполненными от руки,

которым некий Бодрюк назначался на должность инкассатора Центрального банка. Очевидно, это было то, что он искал, однако затруднение оставалось. Фамилия, вписанная в документ, составляла, быть может, самую большую опасность: ведь этого Бодрюка хорошо знал кассир Агентства S, который удивлялся, что не с ним имеет дело.

Не теряя хладнокровия, смелый бандит мгновенно измыслил необходимое средство. Воспользовавшись невнимательностью кассира, он разорвал на две половинки официальную бумагу. Верхнюю половинку, с уличавшей его фамилией, он перемешал в левой руке с просмотренными бумагами, а нижняя часть осталась в правой.

— Вот несчастье! — сердито вскричал он, когда эта операция пришла к благополучному концу. — Документ-то при мне, да осталась только половинка!

— Половинка? — спросил кассир.

— Да, он старый и совсем изношенный, истаскался в кармане. Он разодрался пополам, и у меня, дурака, осталась только половинка!

— Гм!.. — проворчал недовольный кассир. Бандит притворился оскорбленным.

— Ну, хватит с меня! — заявил он, поднявшись и направляясь к двери. — Мне велели захватить ваши деньжонки: я явился. Не хотите

давать? Караульте сами. Поссоритесь с правлением, а мне на это наплевать!

Равнодушие, им высказанное, содействовало успеху предприятия лучше, чем самые сильные доводы. И еще больше помогла угрожающая фраза, которую он пустил, удаляясь, как парфянскую стрелу³. Поменьше историй — вот вечная цель всех служащих на земле.

— Минуточку! — сказал кассир, подзывая его. — Покажите мне его, ваш документ!

— Вот он! — отвечал инкассатор, предъявляя половинку документа, где не была вписана фамилия.

— Тут есть подпись директора, — с удовлетворением заметил кассир. И, наконец, решившись, показал запечатанный пакет. — Вот деньги. Пожалуйста, распишитесь!

Мнимый инкассатор, нацарапав на предложенном ему листке первую пришедшую на ум фамилию, удалился с недовольным видом.

— Желаю здравствовать, — проворчал он, как человек, раздраженный несправедливым подозрением.

³ Древние парфяне во время битвы притворно отступали и, заманивая врагов, пускали в них стрелы. Парфянская стрела — предательский, коварный удар.

Выйдя наружу, он ускорил шаги к карете, поднялся на козлы и исчез среди ночи.

Так совершился грабеж, ставший столь широко известным.

Как сказано, он раскрылся в тот же вечер, раньше, чем, вероятно, предполагали его виновники. Агентство было крепко заперто, персонал беспомощен, кучер кареты уничтожен, и они смело могли думать, что до следующего утра никто ничего не заметит. Утром конторский мальчик, придя производить ежедневную уборку, поневоле подымет тревогу, но было много шансов, что до того происшествие останется в тайне.

Но в действительности все повернулось иначе.

В половине шестого мистер Лазон, банковский контролер, звонивший по телефону в первый раз около пяти часов, чтобы осведомиться о приезде кареты сборщика, обеспокоился тем, что она еще не вернулась, и снова позвонил в Агентство ДК. Он не получил ответа: воры, заканчивавшие тогда дележ добычи, сняли трубку, чтобы избежать звонков, настойчивость которых могла возбудить внимание соседей. Контролер удовлетворился тем, что обвинил телефонистку.

Но время шло, карета не возвращалась, и Лазон сделал вторую попытку. Она осталась бесплодной, как и первая, и телефонная станция уверила его, что Агентство ДК молчит. Контролер

послал банковского рассыльного узнать, почему не отвечают. В половине седьмого рассыльный воротился. Он сообщил, что Агентство закрыто, и внутри никого нет.

Контролер, очень удивленный, что мистер Бакстон закончил операцию так рано в последний день месяца, когда персоналу иногда приходится работать до девяти часов, ждал карету сборщика с возрастающим нетерпением.

Он ожидал до четверти восьмого, когда узнал важную новость. Один из служащих Центрального правления, возвращавшийся домой после работы, обнаружил карету позади Гайд-парка, на Холленд-стрите, малолюдной улице Кенсингтона. Этот служащий, удивленный появлением кареты Центрального банка на сравнительно пустынной и темной улице, поднялся на козлы, толкнул незапертую дверцу и при свете спички увидел уже холодный труп кучера. Он бегом вернулся в Центральное правление и поднял тревогу.

Тотчас же телефоны заработали по всем направлениям. Около восьми часов наряд полиции окружил брошенную карету, а в это время толпа теснилась перед Агентством ДК, где другой взвод открывал двери с помощью приглашенного слесаря.

Читатель уже знает, что там должны были найти.

Дознание началось немедленно. К счастью,

никто из служащих Агентства не умер, хотя, по правде говоря, они были недалеко от этого. Полузадушенные, со ртом, набитым ватой и тряпками, они валялись без чувств, когда к ним явилась помощь; не оставалось никаких сомнений, что они распростились бы с жизнью, если бы пробыли в таком положении до утра.

С трудом их привели в сознание. Но они могли дать лишь самые скудные сведения: пять бородатых людей, одетых в дорожные плащи и в пальто-ульстеры, напали на них. Больше они ничего не знали.

Не было сомнения в их чистосердечности. Лишь только начался розыск, нашли пять пальто, которые лежали в углу на виду, как будто преступники хотели оставить следы своего пребывания. Впрочем, эти одеяния, тщательно исследованные лучшими сыщиками Скотленд-ярда⁴, не сообщили ничего о тех, кем они были брошены. Сделанные из обычной, ходовой материи, они не носили марки портного или магазина, что и объясняло, почему их не унесли.

Все это не представляло ничего существенного, и следователь должен был отказаться от мысли узнать больше. Напрасно он

⁴ Центральное управление лондонской уголовной полиции.

расспрашивал и переспрашивал свидетелей: из них ничего нельзя было вытянуть.

Последним важным свидетелем был швейцар дома. Дверь Агентства была закрыта внутренним ставнем, следовательно, преступникам пришлось выйти через общий вестибюль дома. Швейцар должен был их видеть.

Но этот последний мог только признаться в своем неведении. Слишком многочисленны были помещения, над которыми он вел надзор. В этот день швейцар не заметил ничего подозрительного. Если похитители и прошли мимо него, как можно было предполагать, он их принял за служащих Агентства.

Подвергнутый более тщательному допросу и принуждаемый порыться в памяти, он назвал имена четырех жильцов, которые прошли через вестибюль незадолго до преступления или немного спустя. Жильцы были немедленно вызваны; они оказались людьми безукоризненно честными и выходили пообедать.

Швейцар рассказал также о разносчике угля, который явился с объемистым мешком около половины восьмого, незадолго до появления полиции, и на которого он обратил внимание только потому, что не принято доставлять уголь в подобный час. Разносчик так настойчиво спрашивал жильца из пятого этажа, что швейцару

пришлось пропустить его и указать черную лестницу.

Разносчик угля поднялся, но спустился через четверть часа, таща мешок. Спрошенный швейцаром, он сказал, что ошибся адресом. Говорил он прерывающимся голосом, как человек, поднявшийся на пятый этаж с тяжелой ношей на плечах. На улице он положил мешок в ручную тележку у тротуара и удалился, не слишком спеша.

— Знаете ли вы, — спросил следователь, — от какой фирмы был разносчик?

Швейцар этого не знал.

Следователь, оставив этот пункт для дальнейшего выяснения, допросил жильца пятого этажа. Тот заявил, что разносчик угля действительно звонил у черной двери около половины восьмого. Служанка, открывшая ему, уверила его в ошибке, и тот ушел, не настаивая. Но свидетельские показания в этом пункте не сходились, так как служанка из пятого этажа утверждала, не соглашаясь с швейцаром, что при человеке не было никакого мешка.

— Он оставил его внизу, поднимаясь, — объяснил следователь.

Скоро оказалось, что объяснение было недостаточным, так как в подвальном коридоре нашли содержимое мешка, а швейцар уверял, что за несколько часов перед тем его там не было. Было

очевидно, что таинственный разносчик угля опорожнил там принесенный им мешок. Но тогда что же он унес, если, по показаниям швейцара, мешок при уходе разносчика казался таким же полным и тяжелым, как при его приходе?

— Не будем пока этим заниматься, — заключил следователь, отказываясь от разрешения непосильной задачи. — Это выяснится завтра. — Чиновник шел по следу, который считал наиболее важным, и не хотел отклоняться в сторону.

В самом деле, весь персонал Агентства был налицо. Но директора не было. Мистер Льюис Роберт Бакстон исчез.

Служащие не могли дать никаких объяснений на этот счет. Они только знали, что незадолго до пяти часов один клиент вошел к директору и несколько минут спустя позвал кассира Стора; тот пошел на вызов и не вернулся. Тотчас же после этого произошло нападение. Мистера же Бакстона никто не видел.

Заключение напрашивалось само собой: если было несомненно, что Агентство подверглось нападению пяти переодетых и загримированных бандитов, то очевидным казалось и то, что бандиты имели сообщника на месте и этим сообщником был сам директор.

Вот почему еще до окончания детального следствия немедленно был подписан приказ об

аресте Льюиса Роберта Бакстона, директора Агентства ДК Центрального банка, обвиняемого в грабеже и сообщничестве в убийстве. Его приметы, хорошо известные, были телеграфно сообщены по всем направлениям; приметы сообщников остались неизвестными.

Виновный еще не мог покинуть Англию. Его, без сомнения, арестуют внутри страны или в порту — быстрый успех, которым полиция справедливо сможет гордиться.

Убаюкивая себя такой приятной перспективой, следователь и сыщики отправились на заслуженный отдых.

А в эту ночь, в два часа утра, пять загорелых людей, одни гладко выбритые, другие с усами, вышли в Саутгемптоне из лондонского экспресса по одиночке, как и садились. После выгрузки нескольких тюков и одного громадного тяжелого ящика они наняли карету в порт, где у набережной их ожидал пароход приблизительно в две тысячи тонн водоизмещением, из труб которого валил густой дым.

С четырехчасовым приливом, когда спал весь Саутгемптон, где еще не знали о преступлении на Олд-Брод-стрите, пароход вышел из гавани, миновал мол и направился в открытое море.

Никто не воспротивился его отправлению. И почему, в самом деле, можно было заподозрить это

честное судно, открыто погрузившее несходные меж собой, но не вызывающие никаких сомнений товары, с назначением в Котону, порт в Дагомее⁵?

Итак, пароход спокойно удалился со своими товарами, с пятью пассажирами, с тюками и огромным сундуком, который один из пассажиров, самый высокий, поместил у себя в каюте. А в это время полиция, прервав розыски, наслаждалась вполне заслуженным покоем.

Назавтра и в последующие дни дознание было возобновлено, но, как уже известно читателю, не привело ни к чему. Дни проходили за днями, преступников не нашли. Льюис Роберт Бакстон не был разыскан. Никакой луч света не мог осветить непроницаемую тайну. Не могли также узнать, какой фирмой был послан разносчик угля, привлечший на момент внимание полиции. Выбившись из сил, дело прекратили.

Последующий рассказ впервые дает полное разрешение загадки. Читателю предоставляется право сказать, мог ли он вообразить что-нибудь более неожиданное и более странное.

ЭКСПЕДИЦИЯ

⁵ Дагомея — французская колония в Африке, на берегу Гвинейского залива.

Конакри, столица Французской Гвинеи и резиденция губернатора, — очень приятный город, улицы которого, со знанием дела распланированные губернатором Бал-леем, пересекаются под прямым углом и, по американской моде, называются порядковыми номерами. Построенный на острове Томбо, он отделен от материка узким каналом. Через канал перекинут мост, где движутся всадники, пешеходы, экипажи, а также проходит железная дорога, кончающаяся в Курусе, близ Нигера. Это самая здоровая береговая местность в Гвинее. Там много представителей белой расы, особенно французов и англичан, причем эти последние живут преимущественно в пригороде Ньютаун.

Но во время событий, составляющих сюжет этого рассказа, Конакри еще не достиг процветания и был просто большим местечком.

27 ноября в Конакри был праздник. По приглашению губернатора господина Генри Вальдона население собиралось у моря, готовое горячо, как его об этом просили, встретить знатных путешественников, которые вот-вот должны были высадиться с парохода «Туат» компаний «Фрейсине».

Приезжие, так взбудоражившие город Конакри, были, в самом деле, влиятельными

людьми. Их было семеро, и они составляли парламентскую комиссию, направленную центральными властями в исследовательскую экспедицию в область Судана, известную под названием «Петли Нигера». По правде говоря, президент совета господин Граншан и министр колоний господин Шазелль отправили эту комиссию и предписали исследование против своей воли. Их вынудила к этому Палата депутатов и необходимость прервать ожесточенные прения, грозившие затянуться до бесконечности.

За несколько месяцев до того, во время дебатов по вопросам африканских колоний, которые было поручено изучить парламентской комиссии, французская Палата депутатов разделилась на численно равные партии, под предводительством двух непримиримых противников.

Одного из них звали Барсак, другого — Бодрьер. Первый — толстенький, с небольшим брюшком — носил пышную черную бороду веером. Веселый и симпатичный южанин из Прованса, с громким голосом, Барсак был одарен если не красноречием, то, по крайней мере, многоречивостью. Бодрьер, депутат одного из северных департаментов, если будет позволено такое смелое выражение, представлял его «в длину». Тощий, угловатый, с сухим лицом, с

жиденскими усами, оттеняющими тонкие губы, он был замкнут и имел печальный вид. Насколько его коллега великодушно раскрывался перед всеми, настолько Бодрьер жил, замкнувшись в самом себе, с душой, закрытой на замок, как сундук скупца.

Оба депутата с давних пор посвятили себя колониальным вопросам, и оба прослыли авторитетами. Однако — это размышление напрашивается невольно — было поистине чудом, что их терпеливые труды редко приводили к одинаковым выводам. Они редко соглашались между собой. Если Барсак излагал свое мнение по какому-нибудь вопросу, можно было держать пари, десять против одного, что Бодрьер будет утверждать обратное, и поэтому Палата, невзирая на их рассуждения, обычно голосовала так, как хотелось министерству.

На этот раз Барсак и Бодрьер не хотели уступить ни на волос, и спор длился без конца. Он начался по случаю внесения Барсаком законопроекта о создании пяти депутатских мест для Сенегамбии, Верхней Гвинеи и части Французского Судана, расположенной к западу от Нигера, и о предоставлении неграм права избирать и быть избранными без различия племени. Тотчас же, как обычно, Бодрьер энергично выступил против предложения Барсака, и два непримиримых противника осыпали друг друга картечью

аргументов.

Первый, ссылаясь на свидетельства военных и гражданских путешественников, заявлял, что негры уже достигли довольно высокой ступени цивилизации. Он добавил, что мало отменить рабство: надо дать покоренным народам те же права, что имеют победители, и, кстати, при шумных аплодисментах части Палаты, произнес великие слова: «Свобода, равенство и братство». Другой, напротив, объявил, что негры еще коснеют в самом постыдном варварстве и что не может быть и речи о том, чтобы дать им право голоса, потому что с больным ребенком не советуются о лекарстве, которое ему нужно дать. Он добавил, что, во всяком случае, момент неблагоприятен для такого опасного опыта и что следовало бы усилить оккупационные войска, так как тревожные признаки заставляют опасаться близкой смуты в этих краях. Он, как и его противник, привел мнение путешественников и в заключение потребовал посылки новой интервенционной армии, провозгласив с патриотической энергией, что владения, завоеванные французской кровью, священны и неприкосновенны. Ему так же яростно аплодировала другая часть Палаты. Министр колоний затруднялся стать на сторону одного из двух пылких ораторов. Часть правды была заключена в обоих выступлениях. Было верно, что

черные народности, обитавшие в Петле Нигера и Сенегамбии, казалось, начинали свыкаться с французским владычеством, что просвещение сделало некоторые шаги среди этих, прежде столь невежественных, племен и что жить на территории колонии становилось безопаснее. Но, с другой стороны, в настоящее время положение менялось в неблагоприятном смысле. Получались известия о смутах и грабежах; целые деревни, неизвестно почему, были покинуты обитателями. И, наконец, следовало принять во внимание, правда, не преувеличивая, достаточно неясные и таинственные слухи, бежавшие по зарослям вдоль берегов Нигера, о каком-то независимом государстве, которое начало образовываться в неведомом пункте Африки. Так как каждый из двух ораторов умело приводил в споре аргументы, свидетельствовавшие в его пользу, то оба считали себя победителями, и спор продолжался, пока один из депутатов, измучившись, не крикнул среди шума:

— Раз не могут стовориться, пусть посмотрят сами! Господин Шазелль возразил, что эти страны часто исследовались, и нет надобности открывать их еще раз. Тем не менее, он готов пойти навстречу желаниям Палаты, если она считает, что экспедиция принесет какую-то пользу; он будет счастлив поручить ей это предприятие и поставить во главе ее того из депутатов, на которого укажет

Палата.

Предложение имело успех. Его тут же приняли, и министерству было предложено организовать экспедицию, которая обследует Петлю Нигера, и по отчету которой Палата примет окончательное решение.

Труднее оказалось выбрать начальника экспедиции: два раза Барсак и Бодрьер получили равное количество голосов. Надо было с этим покончить.

— Черт возьми! Назначим обоих! — вскричал какой-то насмешник.

Эта мысль была с энтузиазмом принята Палатой, которая, без сомнения, увидела в ней спасительное средство не слышать разговоров о колониях в течение нескольких месяцев. Барсак и Бодрьер были избраны, и возраст должен был решить, кто из них будет первенствовать. Преимущество досталось Барсаку, он оказался старше на три дня. Оскорбленному Бодрьеру пришлось удовлетвориться ролью помощника.

В комиссию правительство включило еще несколько человек, менее блестящих, но, быть может, более полезных, так что по прибытии в Конакри она состояла из семи членов, включая Барсака и Бодрьера.

Среди прочих выделялся доктор Шатонней, замечательный, медик; рост его превышал пять

футов восемь дюймов; его веселую физиономию венчала курчавая шевелюра, совершенно седая, хотя ему было всего пятьдесят лет, густые усы его были белы, как снег. Доктор Шатонней был превосходный человек, чувствительный а веселый, шумно смеявшийся по всякому поводу.

Можно еще отметить г. Исидора Тассена, корреспондента Географического общества, маленького, сухого, решительного человека и страстного географа. Последних трех членов экспедиции — гг. Понсена, Кирье и Эйрье — чиновников разных министерств — не замечали: это были самые обыкновенные люди.

Помимо перечисленных лиц в экспедиции участвовал восьмой путешественник, блондин энергичного и решительного вида, по имени Амедей Флоранс, деятельный и находчивый корреспондент газеты «Экспансьон Франсез».

Таковы были особы, высадившиеся 27 ноября с парохода «Туат» компании «Фрейсине».

Событие неизбежно должно было сопровождаться речами. Администраторы и важные чиновники не ограничиваются при встречах пожатием руки и словом «здравствуйте». Они считают необходимым обмениваться речами, в то время как публика, несмотря на привычку, забавляющаяся комической стороной этой формальности, выстраивается в кружок вокруг

ораторов.

Для правдивости рассказа отметим, что на месте высадки господин Вальдон, сопровождаемый главными чиновниками, которых он позаботился представить, торжественно приветствовал прибывших; он сделал это в такой манере, точно они к нему прибыли если не с неба, то по крайней мере из-за океанских далей. Впрочем, отдадим ему справедливость — он был краток, и его небольшая речь имела заслуженный успех.

Барсак отвечал в качестве начальника экспедиции.

— Господин губернатор, господа! — произнес он с выражением признательности (южанин!). Потом, кашлянув, чтобы прочистить горло, продолжал: — Мои коллеги и я глубоко тронуты словами, которые только что услышали. Сердечность вашего приема — благоприятное предзнаменование для нас в тот момент, когда фактически начинается предприятие, трудности которого мы, впрочем, не преувеличиваем. Нам известно, что под великодушным управлением метрополии эти области, некогда с такими опасностями исследованные смелыми пионерами родины, узнали, наконец, французский мир⁶, если

⁶ Подражание латинскому выражению «Рах готапа» — «римский мир», означавшему то умиротворение или

позволительно употребить это торжественное выражение, заимствованное у наших предков римлян. Вот почему здесь, у ворот этого прекрасного города Конакри, окруженные тесными рядами соотечественников, мы испытываем такое чувство, точно не покидали Францию. Вот почему, углубляясь внутрь страны, мы по-прежнему не покинем родины, так как трудолюбивое население этих областей начнет отныне преобразаться в граждан увеличившейся, расширенной Франции. Пусть наше пребывание среди них даст им доказательство бдительной заботливости выборной власти. И пусть оно еще увеличит, если это возможно, их привязанность к родине, их преданность Франции!

Губернатор Вальдон, как это принято, дал сигнал к «невольным» аплодисментам. Барсак отступил на шаг назад, а Бодрьер тотчас же шагнул вперед.

После нескончаемых тайных совещаний в канцелярии министра было решено назначить Бодрьера не просто помощником, а заместителем начальника экспедиции. И вот, — о таинственное могущество слов! — из этого получилось то, что

спокойствие, которое римляне, по их мнению, приносили завоеванным народам.

если Барсак держал речь «торжественной церемонии, Бодрьер немедленно выступал после него. Так была решена нелегкая задача удовлетворения самолюбий.

— Господин губернатор, господа, — начал Бодрьер, обрывая аплодисменты, которыми были награждены разглагольствования его предшественника. — Я полностью присоединяюсь к красноречивым высказываниям моего коллеги и друга. Как он превосходно выразился, каждый из нас отдает себе точный отчет в трудностях и опасностях, которые может представить наше исследование. Эти трудности мы преодолеем со всем нашим усердием. А опасности не могут нас волновать, потому что между ними и нами встанут французские штыки. Да позволено мне будет предпослать нашим первым шагам по африканской земле сердечный привет конвою, который, по возможности, избавит нас от опасностей. И — не заблуждайтесь, господа! — приветствуя этот немногочисленный конвой, я отдаю почет армии, так как разве не вся она будет представлена скромным отрядом, который пойдет с нами? Армия, столь дорогая французским сердцам, присоединится к нашим трудам, и с ее помощью посредством этого сопряженного с известным риском предприятия возрастут престиж родины и величие республики, как возрастали они в столь

многих привычных армии славных приключениях!

Снова прогремели аплодисменты, такие же бурные и «невольные», как первые, затем все отправились в резиденцию губернатора, где члены экспедиции должны были в продолжение трех дней выработать подробный план исследования.

Этот план был обширен.

Область, затронутая законопроектом Барсака, превышала 1 500 тысяч квадратных километров. Это почти втрое больше территории Франции. Не могло быть и речи о том, чтобы посетить все населенные пункты этого огромного пространства. Но, по крайней мере, следовало наметить достаточно извилистый путь, чтобы впечатления, собранные обследователями, до известной степени соответствовали действительности. В самом деле, этот путь тянулся для некоторых членов комиссии более чем на 2 500 километров, а для других он составлял около 3 500 километров.

Экспедиция должна была разделиться, чтобы расширить район своих действий. Выехав из Конакри, путешественники отправятся сначала в Канкан через Уоссу, Тимбо — важный центр южного Фута-Джалон — и Куру-су — станцию, построенную на Нигере, недалеко от его истоков.

Из Канкана они пройдут через Форабу, Форабактуру, Тиолу, Уасулу и Кенедугу до Сикасо, главного города страны того же названия.

В Сикасо, за 1 100 километров от моря, экспедиция разделится на две части. Одна, под начальством Бодрьера, спустится к югу, направится к горной цепи Конг и достигнет ее через Ситардугу, Ниамбуамбо и различные, более или менее значительные поселения. От Кон-га она двинется к Бауле, чтобы достигнуть, наконец, в Гран-Бассаме Берега Слоновой Кости.

Другая часть, с Барсаком, будет продолжать путь к востоку, пройдет через Уагадугу и достигнет Нигера у Сея, потом, идя параллельно реке, она пересечет Мосси и, наконец, через Гурму и Бургу кончит путь в Котону, на дагомейском берегу.

Считая изгибы пути и неизбежные замедления, нужно было ожидать, что путешествие продлится не менее восьми месяцев для первой части и от десяти до двенадцати — для второй. Отправятся вместе 1 декабря из Конакря. Бодрьер достигнет Гран-Бассамы не ранее 1 августа следующего года, а Барсак прибудет в Котону около 1 октября.

Речь шла о долгом путешествии. И, однако, господин Исидор Тассен не мог льстить себя надеждой, что ему удастся сделать какое-нибудь значительное географическое открытие. По правде говоря, присутствие члена Географического общества было излишним. Мечта «открыть» Петлю Нигера казалась такой же неосуществимой, как и

«открыть» Америку. Но господин Тассен не был привередлив. Земной шар уже избороздили во всех направлениях, и ему приходилось довольствоваться малым.

Таким образом, он благоразумно решил ограничить свои притязания. Петля Нигера давно уже перестала быть недоступной и таинственной областью, какой она слыла в течение стольких лет. Начиная с немецкого доктора Барта, который первый пересек ее в 1853 и 1854 годах, целая плеяда храбрецов завоевывала ее часть за частью. Это были в 1887 году лейтенант флота Карон и превосходный во всех отношениях исследователь капитан Бингер; в 1889 году — лейтенант флота Жем; в 1890 году — доктор Кроза; в 1891 году — капитан Монтейль; в 1893 и 1894 годах — погибшие славной смертью лейтенант Об и полковник Бонье; взявший Тимбукту лейтенант Буате, к которому вскоре присоединился комендант Жоффр. В том же 1894 и следующем 1895 году туда были направлены капитан Туте и лейтенант Тарж; в 1896 году лейтенант флота Урст и много других, выступивших, чтобы завершить кампанию, в продолжение которой полковник Одеу захватил Конг и сломил могущество Самори⁷. С тех пор

⁷ Самори (1870–1898) — глава государства с тем же названием, занимавшего обширную площадь к северу от

Западный Судан перестал заслуживать название дикого; административные власти завершили его покорение, умножились посты, все надежнее укрепляя благодетельное французское владычество.

В то время когда парламентская комиссия собиралась в свою очередь проникнуть в эти области, умиротворение еще не было полным; но безопасность уже упрочилась, и можно было надеяться, что путешествие произойдет если не без приключений, то, во всяком случае, без несчастных случаев, и что все сведется к прогулке среди мирных племен, которые Барсак считал созревшими, чтобы наслаждаться радостями избирательного права.

Отправление было назначено на 1 декабря.

Накануне отъезда, 30 ноября, официальный обед должен был в последний раз собрать членов экспедиции за столом губернатора. В продолжение обеда обменялись, как полагается, тостами при обязательном исполнении национального гимна; были подняты последние бокалы за успех экспедиции и за славу республики.

В этот день Барсак, усталый от прогулки под раскаленным солнцем Конакри, только что вернулся в свою комнату. Он блаженно

обмахивался в ожидании, когда придет час скинуть черный сюртук, от которого никакая температура не может избавить официальных лиц при исполнении ими служебных обязанностей; в это время вестовой, солдат сверхсрочной службы, знавший все уголки колонии, доложил, что две особы просят их принять.

— Кто это? — спросил Барсак. Вестовой жестом показал, что не знает.

— Тип и дама, — сказал он простодушно.

— Колонисты?

— Не думаю, судя по их странному виду, — отвечал вестовой. — Мужчина — долговязый, с реденькой травкой на булыжнике.

— На булыжнике?..

— Да ведь он лысый! С баками из кудели и с глазами, как шарики, которыми украшают кровати.

— У вас богатое воображение! — заметил Барсак. — А женщина?

— Женщина?..

— Да. Какова она? Молодая?

— Молодая.

— Красивая?

— Да, и нарядная!

Барсак машинально покрутил ус и сказал:

— Пусть войдут.

Отдав этот приказ, он невольно посмотрелся в зеркале, отразившее его дородную фигуру. Если бы

он не думал о другом, он мог бы заметить, что часы показывали шесть вечера.

Принимая во внимание разницу в долготе, это был тот самый момент, когда началось нападение на Агентство ДК Центрального банка, описанное в первой главе нашего рассказа.

Посетители, мужчина лет сорока, сопровождаемый девушкой двадцати — двадцати пяти лет, были введены в комнату, где Барсак вкушал прелесть отдыха перед тем, как подвергнуться скуке официального обеда.

Мужчина был очень высок. Пара бесконечно длинных ног поддерживала короткое туловище, оканчивавшееся длинной костлявой шеей, которая служила пьедесталом для сильно вытянутой вверх головы. Если его глаза и не были похожи на кроватные шарики, как заявил вестовой, злоупотребляя чрезмерными сравнениями, нельзя было оспаривать, что они навывкате, что нос велик, что губы, над которыми неумолимая бритва уничтожила усы, слишком толсты. Наоборот, короткие бакенбарды на манер тех, какие излюблены австрийцами, и венчик курчавых волос, окружавших необычайно блестящий голый череп, позволяли утверждать, что вестовому не хватало точности в выборе определений. «Кудель», — сказал он. Слово неподходящее. По-настоящему, субъект был рыжий.

Этот портрет избавляет от необходимости говорить, что мужчина не отличался красотой, но безобразие его было симпатично: его толстые губы выражали чистосердечие, а в глазах сверкала лукавая доброта, которую наши предки называли очаровательным словом «простодушие».

За ним шла молодая девушка. Нужно признаться, что часовой, объявив ее красивой, на этот раз ничуть не преувеличил. Высокая, тонкая, с изящной талией, со свежим, прекрасно очерченным ртом, с тонким прямым носом, большими глазами, очаровательными бровями и пышной шевелюрой черных волос, со всеми чертами лица, непогрешимо правильными, она была совершенной красавицей.

Барсак предложил посетителям сесть, и мужчина заговорил:

— Простите нас, господин депутат, за беспокойство и извините, что мы сами вам представимся, так как по-другому сделать невозможно. Меня зовут — вы мне позвольте прибавить согласно моей привычке, — я сожалею, что меня зовут, так как это смешное имя, Аженор де Сен-Берен, домовладелец, холостяк и гражданин города Ренна. — Рассказав таким образом о своем общественном положении, Аженор де Сен-Берен выдержал небольшую паузу, потом, сделав жест, представил: — Мадемуазель Жанна Морна, моя тетка.

— Ваша тетка? — изумился Барсак.

— Да. Мадемуазель Морна — действительно моя тетка настолько, насколько можно быть чьей-нибудь теткой! — уверил Аженор де Сен-Берен, в то время как веселая улыбка полуоткрыла губы молодой девушки.

Ее прекрасное лицо, единственным недостатком которого была излишняя серьезность, сразу осветилось.

— Господин де Сен-Берен, — объяснила она с легким английским акцентом, — по праву называется моим племянником и никогда не упускает случая объявить нашу степень родства.

— Это меня молодит, — прервал племянник.

— Но, — продолжала Жанна Морна, — раз эффект произведен, и его законное право установлено, он соглашается перемениться ролями и становится дядюшкой Аженором, каковым, по семейной традиции, он всегда был с моего рождения.

— И что больше подходит к моему возрасту, — объяснил дядя-племянник. — Но, покончив с представлениями, позвольте мне, господин депутат, объяснить цель нашего прихода. Мадемуазель Морна и я — исследователи. Моя тетка-племянница — неустрашимая путешественница, а я, как добрый дядюшка-племянник, позволил ей увлечь себя в эти

отдаленные страны. Мы хотели бы под вашим руководством устремиться внутрь страны в рискованных поисках новых впечатлений и зрелищ. Наши приготовления закончены, и мы готовы были выехать, когда узнали, что по тому же пути, как и наш, должна отправиться экспедиция под вашим предводительством. Я тогда сказал мадемуазель Морна, что как ни спокойна эта страна, мне кажется, нам следует присоединиться к экспедиции, если только нас захотят принять. Мы пришли просить у вас разрешения отправиться в путешествие вместе с вами.

— Принципиально я не вижу в этом никаких неудобств, — ответил Барсак, — но я должен, вы понимаете, посоветоваться с моими товарищами.

— Это вполне естественно, — одобрил Сен-Берен.

— Может быть, — предположил Барсак, — они побоятся, что присутствие женщины замедлит наш путь и будет несовместимо с выполнением нашей программы... В этом случае...

— Пусть они не боятся! — запротестовал дядюшка Аженор. — Мадемуазель Морна — настоящий мальчик. Она сама просит вас рассматривать ее как товарища.

— Конечно, — подтвердила Жанна Морна. — Я добавлю, что с материальной точки зрения мы вас ничуть не стесним. У нас есть лошади и

носильщики, и мы даже наняли проводников и переводчиков, двух бамбара — старых сенегальских стрелков. Вы видите, что нас безбоязненно можно принять.

— На таких условиях, в самом деле... — согласился Барсак. — Я поговорю с коллегами сегодня же вечером, и если они не будут возражать, это — решенное дело. Где я смогу дать вам окончательный ответ?

— Завтра, в момент отправления, так как, во всяком случае, мы покидаем Конакри завтра.

Посетители простились.

На обеде у губернатора Барсак передал коллегам полученную им просьбу. Она встретила благоприятный прием. Лишь один Бодрьер счел нужным сделать оговорки. Не то чтобы он окончательно отказывался удовлетворить просьбу этой приятной дорожной компаньонки, которую Барсак защищал, быть может, с большим жаром, чем требовали обстоятельства, но все же он испытывал некоторые колебания. Событие казалось несколько странным. Допустимо ли молодой девушке отваживаться на такое путешествие? Нет, конечно, высказанный предлог несерьезен, и надо думать, что истинную цель скрывают. Предположив это, нет ли оснований бояться, что в просьбе заключена ловушка? Кто знает, нет ли тут какой-нибудь связи с таинственными слухами, на

которые министр слегка намекнул с парламентской трибуны?..

Бодрьера успокоили, смеясь.

— Я не знаю ни господина Сен-Берена, ни мадемуазель Морна, — заявил Вальдон, — но я их заметил за две недели их пребывания в Конакри.

— Их по крайней мере замечают! — убежденно вскричал Барсак.

— Да, девушка очень красива, — согласился Вальдон. — Мне передали, что она и ее дядя прибыли из сенегальского порта Сен-Луи на судне, курсирующем вдоль берегов, и, как ни кажется это странным, можно допустить, что они путешествуют для удовольствия, как заявили господину Барсаку. Я, со своей стороны, не думаю, чтобы было какое-нибудь неудобство в выполнении их просьбы.

Мнение губернатора полностью восторжествовало. Таким образом, экспедиция Барсака увеличилась на два новых члена. Их стало теперь десять, включая Амедея Флоранса, репортера «Экспансьон Франсез», но не считая носильщиков и воинского отряда.

И вот на следующее утро случай благоприятствовал Пьеру Марсенею, капитану колониальной пехоты и командиру конвоя. Он сумел предупредить Барсака, когда тот спешил к мадемуазель Морна, насколько позволяла скорость

его раскормленного четвероногого, чтобы помочь ей подняться на седло.

— *Armis cedat insigne!*⁸ — показывая пальцем на место, где полагается носить шарф⁹, молвил Барсак, когда-то учивший в гимназии латынь.

Но чувствовалось, что он был недоволен.

ЛОРД БАКСТОН ГЛЕНОР

К моменту, когда начинается этот рассказ, прошли уже годы, как лорд Бакстон нигде не бывал. Двери замка Гленор, где он обитал, в сердце Англии, около городка Утокзетера, не открывались для посетителей, а окна личных апартаментов лорда упорно оставались закрытыми. Заточение лорда Бакстона, полное, абсолютное, было вызвано драмой, которая запятнала честь семьи, разбила его жизнь.

За шестьдесят лет до событий, о которых только что рассказано, лорд Бакстон прямо со скамьи военной школы вошел в общество, получив от предков богатство, знатное имя и славу.

⁸ «*Armis cedat insigne!*» — латинская пословица, означающая: «Оружию подобает почет».

⁹ Шарф — знак различия у французских официальных лиц.

История Бакстонов, с самым деле, сливается с историей самой Англии, за которую они так часто великодушно проливали свою кровь. В эпоху, когда слово «родина» еще не приобрело ту цену, которую ей придало долгое существование нации, мысль об этом уже была глубоко запечатлена в сердцах мужчин этой фамилии. Происходя от норманских завоевателей¹⁰, они жили только для войны и войной служили своей стране. В продолжение веков ни одна слабость не уменьшила блеск их имени, никогда ни одно пятно не запачкало их герб.

Эдуард Алан Бакстон был достойным преемником этой вереницы храбрецов. По примеру предков, он не мыслил другой цели в жизни, кроме ярого культа чести и страстной любви к родине. Если бы атавизм¹¹ или наследственность, как ни называть тот таинственный закон, который делает сыновей похожими на отцов, не внушили ему этих принципов, это сделало бы воспитание. Английская история, наполненная славными делами его предков, непременно вдохновила бы юношу и

¹⁰ Англия была покорена норманским герцогом Вильгельмом Завоевателем в 1066 году.

¹¹ Атавизм — появление наследственных признаков через много поколений.

вызвала желание поступать, как они, и даже лучше.

Двадцати двух лет Эдуард Алан Бакстон женился на молодой девушке из знатнейшей английской семьи; через год после свадьбы родилась дочь. Это было разочарованием для Эдуарда Бакстона, и он стал нетерпеливо ждать второго ребенка.

Только через двадцать лет леди Бакстон, здоровье которой сильно пострадало от первого материнства, подарила ему желанного сына, получившего имя Джорджа; почти в это же время его дочь, вышедшая замуж за француза де Сен-Берена, родила сына Аженора, того самого Аженора, который сорок лет спустя представился депутату Барсаку, как уже рассказано.

Прошло еще пять лет, и у лорда Гленора родился второй сын, Льюис Роберт, которому судьба тридцать пять лет спустя предназначила такую прискорбную роль в драме Центрального банка, открывающей этот рассказ.

Это большое счастье иметь второго сына, так сказать, второго продолжателя рода, оказалось сопряженным с самым ужасным несчастьем. Рождение этого сына стоило жизни матери, и лорд Бакстон навсегда потерял ту, которая в продолжение четверти века была его подругой.

Пораженный так жестоко, лорд Бакстон заколебался под ударом. Угнетенный,

разочарованный, он отказался от честолюбивых замыслов и, хотя был еще сравнительно молод, покинул флот, где служил со времени окончания школы и где ему недолго оставалось ждать получения высших чинов.

Долгие годы после великого несчастья он жил замкнуто, но время смягчило огромную горе. После девяти лет одиночества лорд Бакстон попытался восстановить разрушенный семейный очаг: он женился на вдове товарища по военной службе Маргарите Ферней, принесшей ему вместо приданого шестнадцатилетнего сына Вильяма.

Но судьба захотела, чтобы лорд Гленор пришел одиноким к концу жизненного пути: несколько лет спустя у него родился четвертый ребенок, дочь, названная Жанной, и он вторично стал вдовцом.

Лорду Гленору было в то время шестьдесят лет. В этом возрасте он уже не думал больше заново строить жизнь. Так жестоко и упорно поражаемый в самых дорогих привязанностях, он целиком отдался выполнению отцовского долга. Если не считать первой дочери, госпожи де Сен-Берен, давно уже ускользнувшей от его забот, у него еще оставалось четверо детей, после двух скончавшихся жен. Из них старшему едва было двадцать лет, — это был Вильям Ферней, которого он не отделял от двух своих кровных сыновей и дочери.

Но судьба не истощила своих жестокостей, и лорду Гленору суждено было узнать страдание, перед которым прежнее горе показалось ему очень легким.

Первые огорчения, которые готовила судьба, причинил ему Вильям Ферней, сын второй жены. Лорд любил его, как собственного сына, но молодой человек, скрытный, сварливый, лицемерный, не отвечал на нежность, которую ему расточали, и оставался одиноким в семье, так широко раскрывшей для него свой дом и свои сердца. Он был нечувствителен ко всем доказательствам привязанности, которые ему давали. Напротив, чем больше к нему проявляли участия, тем яростнее он уединялся; чем больше ему выказывали дружбы, тем больше он ненавидел окружающих. Зависть, отчаянная, ужасная зависть, пожирала сердце Вильяма Фернея. Это отвратительное чувство он испытал в первый же день, когда они с матерью вошли в замок Гленор. Он тотчас сравнил в своем уме судьбу, которая ждала двух сыновей лорда и его, Вильяма Фернея. С тех пор он затаил жестокую ненависть к Джорджу и Льюису, наследникам лорда Бакстона, которые когда-нибудь станут богаты, тогда как он останется бедным, лишенным наследства сыном Маргариты Ферией.

Эта ненависть возросла, когда родилась

Жанна, его сестра по крови: ведь она также разделит богатство, от которого он был отстранен и от которого ему лишь из милости достанется скромная часть. Ненависть Вильяма дошла до крайних пределов, когда умерла его мать и когда исчезло единственное существо, умевшее находить дорогу к этому уязвленному сердцу.

Ничто не могло укротить его — ненависть — ни братская дружба сыновей лорда Бакстона, ни отцовские заботы этого последнего. Со дня на день завистник все дальше уходил от семьи и вел обособленную жизнь, тайну которой позволяли разгадать только постоянные скандалы. Стало известно, что Вильям Ферней сошелся с самыми испорченными молодыми людьми, каких только смог найти среди лондонского населения.

Слухи о его бесчинствах дошли до лорда Бакстона, который напрасно тратил время в бесполезных увещаниях. Скоро появились долги, которые лорд вначале платил в память умершей, но которым обязан был положить предел.

Вынужденный существовать на скромные средства, Вильям Ферней не изменил образа жизни. Долго не могли понять, откуда он добывал деньги, но однажды в замок Гленор был представлен вексель на крупную сумму с ловко подделанной подписью лорда Бакстона. Лорд уплатил, не сказав ни слова, но, не желая жить вместе с аферистом, он

приказал виновному явиться и изгнал его из замка, все же назначив ему хорошее содержание.

Вильям Ферней выслушал все с тем же лицемерным видом упреки и советы, затем, не сказав ни слова и даже не получив содержание за первый месяц, покинул замок Гленор и исчез.

Что с ним случилось, лорд Бакстон не знал до самого момента, когда начинается этот рассказ. Он никогда ничего о нем не слышал, и мало-помалу годы изгладили тяжелые воспоминания.

К счастью, собственные дети давали ему столько же удовлетворения, сколько тягостей причинил чужой ребенок. В то время как Вильям исчез, чтобы никогда не вернуться, старший, Джордж, продолжая семейные традиции, первым окончил школу в Аскотте и в поисках приключений поступил в колониальную армию. К большому сожалению лорда Бакстона, второй сын, Льюис, выказал менее воинственные вкусы, но во всех остальных отношениях был достоин его любви. Это был мальчик положительный, методичный, серьезный, один из тех, на кого можно рассчитывать.

В продолжение многих лет, прошедших после отъезда Вильяма, память об отступнике постепенно изгладилась, и жизнь молодых людей шла правильным чередом.

У Льюиса укрепилось призвание к деловой

карьере. Он поступил в Центральный банк, где его высоко ценили, продвигали по служебной лестнице и предсказывали, что придет время, когда он станет во главе этого колоссального учреждения. В это время Джордж, переезжая из одной колонии в другую, сделался в некотором роде героем и завоевывал чины шпагой.

Лорд Бакстон уже думал, что он покончил с враждебной судьбой и, обремененный старостью, видел перед собой только счастливые перспективы, когда его внезапно постигло несчастье, более ужасное, чем все испытанное им до сих пор. На этот раз не только было поражено сердце, но незапятнанная честь Гленоров была навсегда замарана самым отвратительным предательством. Быть может, память об ужасной драме, печальным героем которой стал старший сын лорда Гленора, еще сохранилась, несмотря на прошедшие годы.

Джордж Бакстон, по военным соображениям временно находившийся за штатом, был тогда на службе крупной изыскательской компании. В продолжение двух лет во главе полурегулярного отряда, набранного компанией, он бороздил страну ашантиев, когда вдруг стало известно, что сын лорда оказался главарем банды и поднял открытый мятеж против своей страны. Новость распространилась с быстротой молнии. Одновременно узнали о мятеже и об его жестоком

подавлении. Тогда же пришли вести о предательстве капитана Бакстона и его людей, превратившихся в авантюристов, об их грабежах, вымогательствах и жестокостях и о последовавшем за этим возмездии.

Газеты рассказывали со всеми подробностями о драме, которая тогда развертывалась. Они поведали, как шайка мятежников постепенно отступала перед посланными против них солдатами, которые их без отдыха преследовали. Они сообщили, как капитан Бакстон, укрывшись с некоторыми из сообщников в зоне французского влияния, был, наконец, настигнут близ, деревушки Кубо, у подножья гор Хомбори; он был убит первым же залпом. Повсюду стало известно о смерти командира регулярного английского отряда, замученного лихорадкой, когда он возвращался к берегу, исполнив печальный долг — уничтожение предводителя мятежников и большей части его сообщников, разгон прочих и подавление отвратительного и бессмысленного предприятия в самом зародыше. Если возмездие обошлось дорого, зато оно было полным и быстрым.

Еще памятно волнение, потрясшее Англию, когда она узнала об этой удивительной аванюре. Потом волнение улеглось, и саван забвения покрыл мертвецов.

Но было жилище, где память об одном из них

осталась навсегда. Это было жилище лорда Бакстона.

Приближавшийся тогда к семидесятипятилетней годовщине, лорд Гленор воспринял удар, как иногда принимают его большие деревья, пораженные грозой. Случается, что молния, ударив в вершину, выжигает сердцевину до самых корней, потом уходит в землю, оставляя за собой колосс из одной коры, еще стоящий прямо; ничто в нем не обличает внутреннего опустошения; но, в сущности, он пуст внутри, и первый сильный порыв ветра его опрокинет.

Так случилось и со старым моряком.

Пораженный сразу и в страстной любви к сыну и в своей чести, которая была ему еще дороже, он не согнулся под ударом, и только бледность на лице выдавала его горе. Не задав ни одного вопроса о нестерпимом для него событии, он замкнулся в высокомерном одиночестве и гордом молчании.

Начиная с этого дня, он перестал делать обычные ежедневные прогулки. Закрывшись в доме от всех, даже от самых дорогих друзей, он жил в заточении, почти недвижимый, немой, одинокий.

Одинокий? Не совсем. Три существа еще оставались около него, находя в почтении, которое он им внушал, силы выносить ужасное

существование с живой статуей, с призраком, сохранившим силу живого человека, но добровольно замурававшим себя в вечном молчании.

Прежде всего, это был его второй сын, Льюис Роберт Бакстон, еженедельно проводивший в Гленоре день, свободный от занятий в Центральном банке.

Это был затем внук, Аженор де Сен-Берен, пытавшийся развеселить добродушной улыбкой жилище, мрачное, как монастырь.

Ко времени непонятого преступления Джорджа Бакстона Аженор де Сен-Берен точка в точку походил на тот мало лестный для него портрет, который мы уже нарисовали; но с нравственной стороны это был превосходный человек, услужливый, обязательный, с чувствительным сердцем и непоколебимой верностью. Три особенности отличали его от остальных людей: невероятная рассеянность, необузданная страсть к ужению рыбы и, наконец, самая несчастная — свирепое отвращение к женскому полу.

Владелец большого состояния, унаследованного от умерших родителей, и потому не зависевший ни от кого, он покинул Францию при первом известии о драме, поразившей деда, и устроился в вилле по соседству с замком Гленор,

где проводил большую часть своего времени.

Около виллы протекала речка, в которую Аженор погружал свои удочки с усердием, столько же горячим, сколько необъяснимым.

Зачем было, в самом деле, вкладывать столько страсти в это занятие, раз он всегда думал о другом, и все рыбы в мире могли клевать, а он даже не замечал поплавок? И больше того: если какая-нибудь уклейка или пескарь, сумевшие переупрямить рассеянного рыболова, сами себя подсекали, чувствительный Аженор без колебаний опешил бросить рыбешку обратно в воду, быть может, даже извиняясь перед ней.

Хороший человек, как мы уже сказали. И какой закоренелый холостяк! Тем, кто соглашался его слушать, он высказывал свое презрение к женщинам. Он приписывал им все недостатки, все пороки. «Обманчивые, вероломные, лживые, расточительные», — провозглашал он, обычно не в ущерб другим оскорбительным эпитетам, которых у него был достаточный запас. Ему иногда советовали жениться.

— Мне! — восклицал он. — Мне соединиться с одним из этих неверных и ветреных созданий!

А если настаивали, он серьезно заявлял:

— Я только тогда поверю в любовь женщины, когда увижу, как она умрет от отчаяния на моей могиле!..

И так как это условие являлось невыполнимым, можно было держать пари, что Аженор останется холостяком.

Неприязнь к женскому полу допускала у него лишь одно исключение. Привилегированной особой оказалась Жанна Бакстон, последняя из детей лорда Гленора, следовательно, тетка Аженора, но тетка почти на два десятка лет моложе его, тетка, которую он знал совсем маленькой, которую учил ходить и покровителем которой стал, когда несчастный лорд удалился от мира. Он питал к ней поистине отеческую нежность, глубокую привязанность, такую же, как и молодая девушка к нему. Вообще говоря, это был наставник, но наставник, делавший все, чего хотела ученица. Они не расставались. Они вместе гуляли по лесам пешком или ездили на лошадях, плавали в лодке, охотились и занимались всевозможным спортом, что позволяло старому племяннику говорить о юной тетке, воспитанной, как мальчик: «Вы увидите, что она в конце концов сделается мужчиной!»

Жанна Бакстон была третьей особой, которая заботилась о старом лорде и окружила его печальную старость почти материнской лаской. Она отдала бы жизнь, чтобы увидеть его улыбку. Возвратить хотя бы немного счастья в уязвленную душу отца — эта мысль ее не покидала. Это была

единственная цель всех ее замыслов, всех поступков.

В период драмы, когда ее брат нашел смерть, она видела, как отец больше плакал над своим обесславленным именем, чем над жалким концом сына, пораженного справедливым возмездием. Она же не плакала.

Она не была равнодушна к потере нежно любимого брата и к пятну, которым его преступление запятнало честь семьи. Но в то же время ее сердце вместе с горем испытывало возмущение. Как! Льюис и отец так легко поверили в позор Джорджа! Без колебаний они приняли как доказанные все обвинения, пришедшие из заморской дали! Что значат эти официальные донесения? Против этих донесений, против самой очевидности восставало прошлое Джорджа. Мог ли оказаться предателем ее старший брат, такой правдивый, такой добрый, такой чистый, вся жизнь которого свидетельствовала о героизме и честности? Нет, это было невозможно!..

Весь свет отрекся от бедного мертвеца, но она чтит его память, и ее вера в него никогда не угасала.

Время только усилило первые впечатления Жанны Бакстон. По мере того как проходили дни, все горячее становилось ее убеждение в невинности брата, хотя она и не могла

поддержать его никакими доказательствами. Пришел, наконец, момент — это было несколько лет спустя после драмы, — когда она в первый раз осмелилась нарушить абсолютное молчание, которым, по немоу соглашению, все обитатели замка окружали трагедию в Кубо.

— Дядюшка? — спросила она в этот день Аженора Де Сен-Берена.

Хотя он был в действительности ее племянником, было решено практически переменить степень родства, что более соответствовало их возрастам. Вот почему Аженор обычно звал Жанну племянницей, тогда как та присудила ему титул дяди. Так было всегда.

Впрочем, нет... Если получалось так, что этот дядя по соглашению давал повод для жалоб своей мнимой племяннице или же решался противоречить ее воле, какому-нибудь капризу, эта последняя немедленно принимала звание, принадлежащее ей по праву, и объявляла своему «племяннику», что он должен оказывать почтение старшим родственникам. Видя, что дело оборачивается плохо, «племянник», быстро присмирив, спешил успокоить свою почтенную «тетушку».

— Дядюшка? — спросила Жанна в этот день.

— Да, моя дорогая, — ответил Аженор, погруженный в чтение огромного тома, посвященного искусству рыбной ловли на удочку.

— Я хочу говорить с вами о Джордже. Пораженный Аженор оставил книгу.

— О Джордже? — повторил он немного смущенно. — О каком Джордже?

— О моем брате Джордже, — спокойно уточнила Жанна.

Аженор побледнел.

— Но ты же знаешь, — возразил он дрожащим голосом, — что эта тема запрещена, что это имя не должно здесь произноситься.

Жанна отбросила возражение кивком головы.

— Неважно, — спокойно сказала она. — Говорите со мной о Джордже, дядюшка.

— О чем же прикажешь говорить?

— Обо всем. Обо всей истории. — Никогда в жизни!

Жанна нахмурила брови.

— Племянник! — бросила она угрожающим тоном. Этого было достаточно.

— Вот! Вот! — забормотал Аженор и принялся рассказывать печальную историю.

Он ее рассказывал с начала до конца, ничего не пропуская. Жанна слушала молча и, когда он окончил, не задала ни одного вопроса. Аженор думал, что все кончено, и испустил вздох облегчения.

Он ошибся. Через несколько дней Жанна возобновила попытку.

— Дядюшка? — спросила она снова.

— Да, моя дорогая, — снова ответил Аженор. — А если Джордж все-таки невиновен?

Аженору показалось, что он не понял.

— Невиновен? — повторил он. — Увы! Мое бедное дитя, в этом вопросе нет никаких сомнений. Измена и смерть несчастного Джорджа — исторические факты, доказательства которых многочисленны.

— Какие? — спросила Жанна.

Аженор возобновил рассказ. Он приводил газетные статьи, официальные донесения, против которых никто не возражал. Он сослался, наконец, на отсутствие Джорджа, что было самым сильным доказательством его смерти.

— Смерти, пусть, — ответила Жанна, — но измены?

— Одно есть следствие другого, — ответил Аженор, смущенный таким упрямством.

Упрямства, у девушки было еще больше, чем он предполагал. Начиная с этого дня, она часто возвращалась к тягостной теме, изводя Аженора вопросами, из которых легко было заключить, что она сохраняла незыблемую веру в невиновность брата.

В этом пункте Аженор был, однако, неисправим. Вместо ответа на самые сильные доводы он лишь уныло покачивал головой, как

человек, который хочет избежать бесполезного спора; но Жанна чувствовала, что его мнение непоколебимо.

И, наконец, пришел день, когда она решила воспользоваться своим авторитетом.

— Дядюшка?.. — сказала она в этот день.

— Да, моя дорогая?.. — как всегда отозвался Аженор.

— Я много думала, дядюшка, и решительно пришла к убеждению, что Джордж невиновен в ужасном преступлении, которое ему приписывают.

— Однако, моя дорогая... — начал Аженор.

— Здесь нет никаких «однако»! — повелительно оборвала его Жанна. — Джордж невиновен, дядюшка!

— Однако...

Жанна выпрямилась с трепещущими от гнева ноздрями.

— Я вам говорю, племянник, — заявила она сухим тоном, — что мой брат Джордж невиновен.

Аженор смирился.

— Да, это так, тетушка, — униженно согласился он. С тех пор невиновность Джорджа стала признанным фактом, и Аженор де Сен-Берен не осмеливался больше ее оспаривать. Больше того: утверждения Жанны не остались без влияния на его настроение. Если у него еще не было полной уверенности в невиновности мятежного капитана,

то, по крайней мере, убежденность в его вине была поколеблена.

В продолжение следующих лет горячая вера Жанны все укреплялась, но основана она была более на чувствах, чем на рассудке. Выиграв сторонника в лице племянника, она кое-чего добилась, но этого было мало. К чему провозглашать невинность брата, если нельзя ее доказать?

После долгих размышлений ей показалось, что она нашла средство.

— Само собой разумеется, — сказала она в один прекрасный день Аженору, — недостаточно, чтобы мы с вами были убеждены в невинности Джорджа.

— Да, моя дорогая, — согласился Аженор, который, впрочем, не чувствовал столько уверенности, чтобы спорить.

— Он был слишком умен, — продолжала Жанна, — чтобы допустить такую глупость, слишком горд, чтобы пасть так низко. Он слишком любил свою страну, чтобы ее предать.

— Это очевидно.

— Мы жили бок о бок. Я знала его мысли, как свои собственные. У него не было другого культа, кроме чести, другой любви, кроме любви к отцу, другого честолюбия, кроме славы отечества. И вы хотите, чтобы он задумал проект предательства и

обесчестил себя флибустьерским¹² предприятием, покрыв позором и себя и семью? Скажите, вы этого хотите, Аженор?

— Я?! Да я ничего не хочу, тетушка, — запротестовал Аженор, рассудив, что будет благоразумнее присвоить Жанне это почтительное обращение, прежде чем его к тому призовут.

— Что вы на меня так смотрите своими большими круглыми глазами, точно никогда меня не видели! Вы прекрасно знаете, однако, что такое гнусное намерение не могло зародиться в его мозгу! Если вы это знаете, говорите!

— Я это говорю, тетушка, я говорю!

— Это не он виновен, несчастный!.. А те, которые выдумали эту легенду со всеми ее подробностями, негодяи!

— Бандиты!..

— На каторгу их послать! — Или повесить!..

— Вместе с теми газетчиками, которые распространяли лживые новости и стали, таким образом, причиной нашего отчаяния и позора!

— Да, эти газетчики! Повесить их! Расстрелять! — Значит, вы, наконец, убедились?

— Абсолютно!

— Впрочем, хотела бы я посмотреть, как бы

¹² Флибустьеры — морские разбойники.

вы осмелились высказать на этот счет иное мнение, чем мое!

— Я не имею желаний...

— В добрый час!.. А без этого, вы меня знаете, я бы прогнала вас с глаз, и вы никогда в жизни меня не увидели бы...

— Сохрани меня боже! — вскричал бедный Аженор, совершенно потрясенный такой ужасной угрозой.

Жанна сделала паузу и посмотрела на свою жертву уголком глаза. Очевидно, она нашла ее в желательном виде, так как приглушила свою жестокость, более искусственную, чем чистосердечную, и продолжала более мягким тоном:

— Ведь недостаточно, чтобы мы с вами были убеждены в невиновности Джорджа. Надо дать доказательства, вы понимаете, мой дорогой дядюшка?

При этом обращении физиономия Аженора расцвела. Гроза, решительно, прошла мимо.

— Это очевидно, — согласился он со вздохом облегчения.

— Без этого мы можем кричать со всех крыш, что Джорджа осудили напрасно, и нам никто не поверит.

— Это слишком очевидно, моя бедная крошка.

— Когда мой отец, сам отец, принял на веру слухи, происхождения которых не знает, когда он умирает от горя и стыда на наших глазах, не проверив отвратительных рассказней, когда он не вскричал, слыша обвинения против сына: «Вы лжете! Джордж не способен на такое преступление!», — как хотим мы убедить чужих, не дав им неопровержимых доказательств невиновности моего брата?

— Это ясно, как день, — одобрил Аженор, почесывая подбородок. — Но вот... эти доказательства... Где их найти?

— Не здесь, конечно... — Жанна сделала паузу и прибавила вполголоса: — В другом месте, быть может...

— В другом? Где же, мое дорогое дитя?

— Там, где произошла драма. В Кубо.

— В Кубо?

— Да, в Кубо. Там находится могила Джорджа, потому что там он умер, судя по рассказам, и если это так, станет видно, какой смертью он погиб. Потом нужно найти людей, переживших драму. Джордж командовал многочисленным отрядом. Невозможно, чтобы они все исчезли... Нужно допросить свидетелей и через них выяснить истину.

Лицо Жанны озарялось по мере того, как она говорила, голос ее дрожал от сдерживаемого

энтузиазма.

— Ты права, девочка! — вскричал Аженор, незаметно попадая в западню.

Жанна приняла задорный вид.

— Ну, — сказала она, — раз я права, едем!

— Куда? — вскричал остолбеневший Аженор.

— В Кубо, дядюшка!

— В Кубо? Какого же черта ты хочешь послать в Кубо?

Жанна обвила руки вокруг шеи Аженора.

— Вас, мой добрый дядюшка, — шепнула она нежно.

— Меня?!

Аженор высвободился. На этот раз он серьезно рассердился.

— Ты с ума сошла! — запротестовал он, пытаясь уйти.

— Совсем нет! — ответила Жанна, преграждая ему дорогу. — Почему бы, в самом деле, вам не поехать в Кубо? Разве вы не любите путешествий?

— Я их ненавижу. Явиться на поезд в назначенный час — это свыше моих сил.

— А рыбная ловля, вы ее тоже ненавидите, не правда ли?

— Рыбная ловля?.. Я не вижу...

— А что вы скажете о рыбе, выуженной из Нигера и положенной на сковородку? Вот это не

банально! В Нигере пескари огромны, как акулы, а уклеи похожи на тунцов! И это вас не соблазняет?

— Я не говорю нет... Однако...

— Занимаясь рыбной ловлей, вы сделаете расследования, допросите туземцев...

— А на каком языке? — насмешливо перебил Аженор. — Я не думаю, чтобы они говорили по-английски.

— И вот потому-то, — хладнокровно сказала Жанна, — лучше с ними говорить на языке бамбара.

— На бамбара? А разве я знаю бамбара?

— Так выучите его.

— В моем возрасте?

— Я же его выучила, а я ваша тетка!

— Ты! Ты говоришь на бамбара?

— Без сомнения. Послушайте только: «Джи докхо а бе на».

— Что это за тарабарщина?

— Это значит: «Я хочу пить». А вот еще: «И ду, ноно и мита».

— Я признаюсь, что... ноно... мита...

— Это означает: «Войди, ты будешь пить молоко». А вот: «Кукхо бе на, куну уарара уте а ман думуни». Не отгадывайте! Перевод: «Я очень голоден, я не ел со вчерашнего вечера».

— И надо все это учить?

— Да, и не теряйте времени, так как день отправления недалек.

— Какой день отправления? Но я не отправлюсь! Вот еще идея! Нет, я не буду вести пустую болтовню с твоими туземцами.

Жанна, по-видимому, отказалась от мысли его убедить.

— Тогда я еду одна, — сказала она печально.

— Одна, — пробормотал ошеломленный Аженор. — Ты хочешь ехать одна...

— В Кубо? Конечно.

— За полторы тысячи километров от берега!

— За тысячу восемьсот, дядюшка!

— Подвергнуться самым большим опасностям! И совсем одна!..

— Придется, раз вы не хотите ехать со мной, — ответила Жанна сухим тоном.

— Но это безумие! Это умственное заблуждение! Белая горячка! — закричал Аженор и убежал, хлопнув дверью.

Но когда назавтра он хотел увидеть Жанну, ему ответили, что она не принимает, и так было и в следующие дни. Аженор не вынес этой игры. Через четыре дня он спустил флаг.

Впрочем, каждый раз, как его молодая тетушка выражала какое-нибудь желание, он постепенно склонялся на ее сторону. Это путешествие, сначала казавшееся ему

бессмысленным, на второй день стало представляться возможным, на третий — очень выполнимым, на четвертый — чрезвычайно легким.

Вот почему не прошло четырежды двадцать четыре часа, как он почетно сдался, признал свою ошибку и заявил, что готов отправиться.

Жанна имела великодушие не упрекать его.

— Изучите сначала язык страны, — сказала она, целуя его в обе щеки.

С этих пор Аженора только и можно было видеть старательно изучающим язык бамбара.

Прежде чем пуститься в путь, Жанна должна была получить согласие отца. Она получила его легче, чем надеялась. Едва лишь она сказала, что хочет предпринять путешествие, как он сделал жест, выразивший согласие, и тотчас погрузился в свою угрюмую печаль. Слышал ли даже он слова дочери? По всей очевидности, здесь его ничто уже не интересовало.

Устроив эту сторону дела, Жанна и Аженор начали готовиться к путешествию. Они еще не знали в то время, какую поддержку может им оказать экспедиция Барсака. Они поступали так, точно им придется предпринять одним и лишь с собственными ресурсами эту сумасшедшую скачку за три-четыре тысячи километров.

Уже несколько лет Жанна тщательно изучала географию тех областей, которые собиралась

пересечь. Труды Флеттерса, доктора Барта, капитана Бингера, полковника Монтейля дали ей точное понятие об этом крае и его обитателях. Она также узнала, что, если организует вооруженную экспедицию, то есть окружит себя внушительным отрядом в триста-четыреста добровольцев, которых придется вооружить, кормить и оплачивать, то ей придется понести значительные расходы, и, кроме того, она столкнется с воинственными племенами, которые противопоставят силе силу. Ей придется сражаться, чтобы достигнуть цели, если только она ее достигнет.

Капитан Бингер заявлял, что если туземцы захотят помешать экспедиции пройти, они всегда это сделают или атакуя ее, или опустошая все перед ней и вынуждая отступить из-за недостатка припасов.

Жанна, крайне пораженная этим замечанием, решила предпринять мирное путешествие. Поменьше оружия на виду, несколько преданных, надежных людей, и жизненный нерв войны — деньги и, кроме них, — подарки, предназначенные вождям селений и их чиновникам.

Заготовив полотняную одежду для сухого времени года и шерстяную для дождливого, Жанна и Аженор уложили ее в сундуки, доведя их число до минимума. Они упаковали подарки туземцам: негодные к употреблению скверные ружья,

узорчатые материи, яркие и пестрые шелковые платки, поддельный жемчуг, иголки, булавки, галантерейные товары, парижские вещицы, галуны, пуговицы, карандаши и прочее — в общем целый мелочной базар.

Они увозили также с собой аптечку, оружие, подзорные трубы, компасы, лагерные палатки, несколько книг, словари, самые свежие географические карты, кухонную посуду, туалетные принадлежности, чай, провизию, словом, целый груз необходимых предметов, старательно выбранных для долгого пребывания в лесах, вдали от каких-либо центров снабжения. Наконец, металлический футляр, никель которого блестел на солнце, содержал набор удилиц, лесок и крючков в количестве, достаточном для полдюжины рыболовов. Это был личный багаж Аженора.

Тетка и племянник, или дядя и племянница, как вам больше нравится, решили отправиться в Ливерпуль, где должны бы — ли сесть на судно линии Уайт — Стар — «Серее», идущее в Африку. Их первоначальное намерение было отправиться в английскую Гамбию. Но узнав позднее — во время остановки в Сен-Лун, что в Конакри ждут французскую экспедицию, которая должна следовать по пути, сходному с их путем, они решили присоединиться к соотечественникам де Сен-Берена.

В конце сентября они отправили в Ливерпуль многочисленный багаж, а 2 октября позавтракали в последний раз вдвоем (лорд Бакстон никогда не покидал своей комнаты) в большой столовой замка Гленор. Этот последний завтрак был печален и молчалив. Каково бы ни было величие задачи, которую она на себя возложил; Жанна Бакстон не могла помешать себе думать, что она, быть может, не увидит больше замка, колыбели ее детства и юности, а если и вернется, то старый отец, возможно, уже не раскроет ей свои объятия.

И, однако, для него она делала эту попытку, полную опасностей и трудов. Для того чтобы принести хоть немного радости в опустошенную душу, хотела она восстановить семейную честь, смыть грязь, запачкавшую их герб.

Когда приблизился час отправления, Жанна попросила у отца разрешения проститься с ним. Она была введена вместе с Аженором в комнату старика. Он сидел у высокого окна, из которого открывался вид на поля. Его пристальный взгляд терялся в дали, как будто он ожидал, что оттуда кто-то явится. Кто же? Джордж, его сын Джордж, изменник?

Услышав, как вошла дочь, он тихо повернул голову, и его потухший взгляд заблестел. Но то был лишь отблеск. Ресницы упали; лицо приняло свою обычную неподвижность.

— Прощайте, отец! — пробормотала Жанна, сдерживая слезы.

Лорд Гленор не отвечал. Поднявшись на кресле, он протянул руку молодой девушке, потом, нежно прижав ее к груди, поцеловал в лоб.

Боясь разразиться рыданиями, Жанна вырвалась и убежала. Старик схватил руку де Сен-Берена, с силой сжал ее, и как бы прося покровительства, указал на дверь, через которую удалилась Жанна.

— Рассчитывайте на меня, — пробормотал растроганный Аженор.

И тотчас же лорд Бакстон занял прежнее место, и взгляд его снова устремился в поля.

Карета ожидала путешественников во дворе замка, чтобы отвезти их на вокзал в Утокзетер за две мили.

— Куда ехать? — спросил неисправимый Аженор, который в смущении от пережитой сцены забыл, почему они покидают Гленор.

Жанна только пожала плечами. Они отправились. Но едва они проехали метров пятьсот, как де Сен-Берен внезапно обнаружил необыкновенное возбуждение. Он не мог говорить, он задыхался.

— Мои удочки! Мои удочки! — кричал он раздирающим душу голосом.

Пришлось вернуться в замок и разыскать

знаменитые удочки, которые рассеянный рыболов позабыл. Из-за этого потеряли добрую четверть часа. Когда прибыли на станцию, поезд уже стоял у перрона. Путешественники только-только успели войти, и Аженор сказал не без гордости:

— Это во второй раз в жизни я не опоздал на поезд.

Жанна невольно улыбнулась сквозь слезы, бежавшие по ее щекам.

И так началось путешествие, которое привело двух исследователей к поразительным неожиданностям. Предприняла бы его Жанна, если бы знала, что произойдет в ее отсутствие? Покинула бы она своего несчастного отца, если бы подозревала, какой удар снова поразит лорда Гленора в то время, как она рисковала жизнью, чтобы спасти его от отчаяния?

Но ничто не предвещало Жанне трагедии, которая должна была совершиться в Агентстве Центрального банка, и позорного обвинения, которое падет на ее брата Льюиса. Думая услужить отцу, она его покинула в момент, когда ее заботы были для него всего нужнее.

Принесенная слишком усердным слугой новость об исчезновении Льюиса Роберта Бакстона достигла ушей лорда Гленора в утро, последовавшее за преступлением в Агентстве ДК, то есть 1 декабря. Потрясение было подобно

грубому удару дубиной. Этот безупречный потомок длинной цепи героев, этот беспощадный слугитель чести узнал, что из двух сыновей его один — изменник, а другой — вор.

Несчастный старик испустил глухой стон, поднес руки к горлу и без сознания упал на паркет.

Около него засуетились. Его подняли. Его окружили заботами, пока он не открыл глаза. Взгляд этих глаз отныне был единственным признаком, что жизнь еще не покинула истрадавшееся сердце. Он жил, но его тело было парализовано и приговорено к вечной неподвижности. Но и этого было недостаточно, чтобы исчерпать жестокость судьбы. В этом навсегда неподвижном теле жил ясный ум. Бесчувственный, немой, недвижимый, лорд Бакстон думал!

И вот, принимая во внимание разность долготы, как раз в тот самый момент, когда ее отец упал без чувств, Жанна Бакстон при помощи капитана Марсенея поставила ногу в стремя и, переехав мост, соединяющий Конакри с материком, начала свое путешествие, сделав первые шаги в дебри таинственной Африки.

СТАТЬЯ В «ЭКСПАНСЬОН ФРАНСЕЗ»

1 января читатели «Экспансьон Франсез»

смаковали новогодний подарок, статью, заглавие которой было напечатано крупными буквами, а содержание довольно фантастично — хорошо выдумывать тому, кто приходит издалека! Статью эту написал искусный репортер газеты, господин Амедей Флоранс, которому читатель пусть простит иногда слишком вольный стиль.

ЭКСПЕДИЦИЯ БАРСАКА (От нашего специального корреспондента).

Экспедиция старается обращать на себя поменьше внимания. — Мы отправляемся. — Удар ослиного копыта. — Кушанья черных. — Видел ли ты луну? — Слишком много червяков. — Щеголиха. — Вновь завербованная.

В зарослях. 1 декабря. Как я вам писал в последнем письме, экспедиция Барсака должна была тронуться в путь сегодня, в шесть часов утра. Все было готово, когда к экспедиции присоединились двое добровольцев. Один из этих добровольцев — восхитительная молодая девушка, француженка, воспитанная в Англии, откуда она привезла чрезвычайно приятный английский акцент. Ее имя — мадемуазель Жанна Морна. Другой доброволец — ее дядя, если только он не племянник, так как я не могу еще распутать их родственные связи. Его зовут Аженор де Сен-Берен. Это большой чудак, рассеянность которого, уже сделавшаяся легендарной в Конакри,

надеюсь, доставит нам немало веселых минут.

Мадемуазель Морна и господин де Сен-Берен путешествуют для своего удовольствия. Я согрешу против правил вежливости, если не добавлю: и для нашего. У них двое слуг-негров, старых сенегальских стрелков, которые должны служить им проводниками, если не переводчиками, так как наши путешественники неплохо говорят на бамбара и других африканских языках. В частности, мадемуазель Морна приветствует нас особым манером, говоря: «Ини-тье», что означает: «Здравствуйте»! То же самое и я говорю вам!

Господин Барсак подхватил словечко и повторяет его по всякому поводу, но в его устах оно совсем не имеет такого очарования.

Итак, утром 1 декабря, в пять с половиной часов, мы собрались на большой площади Конакри, около резиденции губернатора.

Как я уже вам раньше объяснил, господин Барсак желает организовать мирную, исключительно гражданскую экспедицию. Все такой же оптимист, как на трибуне парламента, он хотел бы представиться местным племенам с оливковой ветвью¹³ в руке и сделать таким манером простую прогулку для здоровья от

¹³ Оливковая ветвь — символ мира.

Конакри до Котону, следуя параллельно Нигеру. Ту же мысль поддерживает мадемуазель Морна, которая боится испугать туземцев слишком большой концентрацией сил.

Но партия Барсак — Морна сталкивается с оппозицией партии Бодрьера. Заместитель начальника экспедиции — и не вздумайте улыбнуться над этим! — рисует мрачную картину опасностей, навстречу которым мы идем, говорит о важности миссии, возглавляемой двумя представителями французского народа, о престиже, который ей создаст конвой из солдат регулярной армии. Что нас удивило, его поддерживает губернатор, господин Вальдон.

Не оспаривая того, что французское проникновение в значительной степени умиротворило черную страну, губернатор повторил выступление министра колоний господина Шазелля с парламентской трибуны. Господин Вальдон сказал нам, что достаточно таинственные или, по меньшей мере, необъяснимые факты оправдывают боязнь где-то готовящегося восстания. Кажется, за последние двенадцать лет и даже совсем недавно, преимущественно в области Нигера, от Сея до Дженне целые деревни были внезапно покинуты, и их обитатели исчезли, а другие поселения неизвестно кем разграблены и сожжены. В конце концов слухи заставляют верить: что-то —

неизвестно, что! — готовится втайне.

Самое элементарное благоразумие потребовало, чтобы экспедицию сопровождал вооруженный отряд. Это мнение восторжествовало к большому удовлетворению Бодрьера, и Барсаку пришлось покориться необходимо ста: нас конвоирует капитан Марсений с двумястами кавалеристов.

В шесть часов обоз выстраивается по указанию негра, который уже несколько раз проделал путь от Конакри до Сикасо. Он будет нашим проводником. Зовут его Морилире. Это здоровый парень лет тридцати, бывший «дугукуссадигуи» (офицер) Самори. Он одет в короткие штаны и старую куртку колониальной пехоты с потертыми и грязными галунами. У него голые ноги, а голова покрыта некогда белым полотняным шлемом, украшенным великолепным трехцветным султаном. Знак его обязанностей — солидная дубинка, которой он будет пользоваться, чтобы его лучше понимали носильщики и ослы.

Тотчас за ним место мадемуазель Морна, а по бокам ее господин Барсак и капитан Марсений. Гм, гм!" Кажется, они не остались нечувствительными к красоте молодой девушки. Держу пари, что в продолжение путешествия они будут состязаться в любезности. Читатели могут быть уверены, что я буду держать их в курсе всех перипетий этого

матча.

Господин Бодрьер следует за первой группой на лошади (говорил ли я, что все мы едем верхом?), но его суровый взгляд выражает неодобрение коллеге Барсаку: тот уж слишком явно показывает, как пришлась ему по вкусу наша приятная компаньонка. Уголкем глаза я смотрю на заместителя начальника. Как он тощ! и холоден! и печален! Ах! Черт возьми, вот кто не умеет улыбаться!

На три шага позади почтенного депутата Севера едут Эйрье, Понсен и Кирье, далее доктор Шатонней и географ Тассен, которые спорят, — увы! — об этнографии¹⁴.

За ними следует конвой.

Обоз наш состоит из пятидесяти ослов, управляемых двадцатью пятью погонщиками, и пятидесяти носильщиков; десять из них наняты мадемуазель Морна и господином де Сен-Береном. По бокам обоза выстраиваются кавалеристы капитана Марсеня. Что же касается вашего покорного слуги, он гарцует вдоль колонны и переходит от одного к другому.

Чумуки и Тонгане, слуги мадемуазель Морна,

¹⁴ Этнография — народоведение, изучение культуры народов всех частей света.

составляют арьергард¹⁵.

Ровно в шесть часов утра дан сигнал. Колонна начинает двигаться. На резиденции — виноват! буду соблюдать местный колорит — на «казе» губернатора поднимается трехцветное знамя, и сам господин Вальдон в парадной форме, как полагается, в последний раз приветствует нас с высоты своего балкона. Звучат трубы и барабаны отряда колониальной пехоты, расквартированного в Конакри. Мы снимаем шапки: момент торжественный, и, — смейтесь, если хотите, — ресницы мои становятся влажными, я в этом признаюсь.

Но почему торжество должен был смутить смешной случай?

Сен-Берен? Где Сен-Берен? Сен-Берена забыли. Его ищут, зовут. Эхо окрестностей повторяет его имя. Напрасно! Сен-Берен не отвечает.

Начинают опасаться несчастья. Впрочем, мадемуазель Морна не волнуется и успокаивает нас.

Нет, мадемуазель Морна не беспокоится, она разъярена!

— Я приведу господина Сен-Берена через три

¹⁵ Арьергард — отряд, замыкающий колонну на походе.

минуты, — сказала она, стиснув зубы, и пришпорила лошадь.

Сначала, однако, она приостановилась и, повернувшись в мою сторону, сказала: «Господин Флоранс?» В ее взоре была просьба, которую я сразу понял. Вот почему я тоже пришпорил лошадь и поскакал за ней.

В несколько скачков мы очутились на берегу океана (вы ведь знаете, без сомнения, что Конакри расположен на острове), и что я там вижу?

Господина де Сен-Берена! Да, дамы и господа, господина де Сен-Берена собственной персоной, как вы и я.

Что он мог там делать? Чтобы это узнать, мы на мгновение остановились.

Господин Сен-Берен, удобно сидя на береговом песке, казалось, совсем не думал о том, что заставляет ждать целую официальную миссию. Он дружески разговаривал с негром, который показывал ему рыболовные крючки, вероятно, особой формы, неизвестной в Европе, и много словно объяснял их употребление. Потом оба поднялись и направились к лодке, наполовину вытащенной на берег, и негр вошел в нее... Прости меня, боже! Уж не собирается ли господин де Сен-Берен отплыть на рыбную ловлю!..

Ему не пришлось это сделать.

— Племянник! — внезапно позвала

мадемуазель Морна суровым голосом.

(Решительно, это ее племянник!)

Этого слова было достаточно. Господин де Сен-Берен обернулся и заметил свою тетку. Можно подумать, что это освежило его память, так как он испустил отчаянный вопль, поднял руки к небу, бросил своему другу негру пригоршню мелочи, взамен чего овладел кучей крючков, которые как попало рассовал по карманам, и побежал к нам со всех ног.

Это было так смешно, что мы разразились хохотом. При этом мадемуазель Морна открыла двойной ряд ослепительных зубов. Ослепительных, я настаиваю на этом слове.

Мы повернули назад, и господин де Сен-Берен трусил рядом с нашими лошадьми. Но мадемуазель Морна пожалела беднягу и, переведя лошадь на шаг, молвила нежно:

— Не спешите так, дядюшка! С вас льется пот. (Так он ее дядя? Ох, моя бедная головушка!)

Мы возвратились к конвою, где нас встретили ироническими улыбками. Господин де Сен-Берен не смутился из-за такой малости. Казалось, он даже удивился, увидев на площади столько народу.

— Значит, я опоздал? — невинно спросил он. Тогда вся колонна загремела смехом, и господин де Сен-Берен присоединился к общему хору. Он мне нравится, этот парень.

Но мы все еще не отправились.

В тот момент, когда господин де Сен-Берен наклонился, чтобы проверить, как хороший наездник, подпругу, футляр для удочек, который он носит на перевязи, по несчастью стукнул в бок одного из ослов. Животное оказалось чувствительно, оно лягнуло несчастного Сен-Берена, и тот покатился в пыль..

К нему бросились на помощь. Но наш чудак уже был на ногах.

— Это много хорошо! Мусье иметь много счастья, — сказал ему Тонгане. — Если укусить пчела либо лягнуть лошадь, большое путешествие много хорошо!

Не отвечая ему, де Сен-Берен, тщательно обметенный и почищенный, вспрыгнул в седло, и отряд смог, наконец, двинуться.

Тем временем солнце встало, и его первые лучи весело осветили наш путь.

За мостом, соединяющим Конакри с материком, начинается отличная дорога шириной от пяти до шести метров, где свободно может пройти повозка. Она доведет нас до Тимбо, за четыреста километров. Значит, до Тимбо мы можем не бояться трудностей. Погода хорошая, температура едва 17 градусов в тени, и нам не грозят тропические ливни: их сезон миновал.

Вперед! Все к лучшему в этом лучшем из

миров!

Около десяти часов мы перешли по мосту речку, которую Тассен назвал притоком Манеа или Моребайа, а может, это и есть одна из этих двух рек. Сейчас мы находимся в самой жестокой неуверенности на этот счет!

Впрочем, переход через речки — разменная монета путешествий в этой части Африки. Не проходит дня, чтобы не приходилось пересечь одну или несколько. Само собой разумеется, мои статьи — не курс географии, и я не буду говорить о всяких мелочах, если они так или иначе не выйдут из пределов обычного.

В окрестностях Конакри дорога идет почти прямо, по слегка холмистой стране. Она окаймлена достаточно хорошо возделанными полями. Плантации маиса или проса, кое-где виднеются рощи хлопчатника, банановых деревьев. Изредка встречаются совершенно незначительные деревушки, которым Тассен с уверенностью дает названия, по-моему, совершенно фантастические. Но нам-то это все равно, они все для нас одинаковы.

Около десяти часов, когда жара усилилась, капитан Марсеней командует остановку. Мы прошли двадцать километров от Конакри, и это очень хорошо. В пять часов пополудни, позавтракав и отдохнув, мы снова тронемся в путь, а около

девяти вечера устроимся лагерем на ночь.

Это программа на каждый день, и я не буду к ней возвращаться, так как не намерен докучать читателей мелочными подробностями пути. Я буду заносить в свои Путевые заметки только интересные факты.

Сказав об этом, продолжаю.

Место для стоянки капитан Марсеней выбрал удачно. Мы остановились в тени маленького леса, где сможем укрыться от солнечных лучей. Пока солдаты разбрелись, мы — я подразумеваю членов парламентской комиссии, мадемуазель Морна, капитана, господина де Сен-Берена и вашего покорного слугу, — мы, говорю я, расположились на хорошенькой лужайке. Я предлагаю нашей компаньонке подушку, но капитан Марсеней и господин Барсак предупредили меня и притащили по складному стулу. Вот затруднение! Мадемуазель Морна не знает, что выбрать. Уже капитан и глава экспедиции смотрят друг на друга исподлобья, но мадемуазель Морна водворяет между ними согласие, садясь на мою подушку. Оба вздыхателя смотрят на меня страшными глазами.

Бодрьер садится в сторонке на кучку травы посреди группы тех, кого я окрестил «нейтралистами». Это более или менее компетентные представители министерств, Эйрье, Кирье и Понсен.

Этот последний, самый замечательный из троих, не перестает делать заметки после нашего отправления. Но я не знаю, какие. Если бы он был менее «официален», я бы осмелился намекнуть, что он чудесно воплощает тип присяжного оценщика, но его величие затыкает рот. Какой лоб! С таким лбом человек бывает или удивительно умным или поразительно глупым. К какой из этих категорий отнести Понсена? Я это увижу на деле.

Доктор Шатонней и господин Тассен, которых мы сравниваем с птичками-неразлучниками, устроились под фиговым деревом. Они разостлали на земле географические карты. В их собственных интересах надеюсь, что они не будут их единственной пищей!

Морилире решительно находчивый парень: он притащил для нашей группы стол, затем и скамейку, на которой я устроился, оставив местечко и Сен-Берену.

Сен-Берена здесь нет. Впрочем, Сен-Берен никогда не бывает здесь.

Морилире позаботился о походной печке. С помощью Чумуки и Тонгане он будет нам стряпать, так как условлено беречь консервы и провизию, привезенную из Европы, на те случаи, редкие, как мы надеемся, когда мы не сумеем достать свежей.

Морилире купил мяса в Конакри. Он показал его нам.

— Мой из него сделать хорошее рагу с ягненком, нежное, как маленький ребенок! — сказал он.

Нежное, как ребенок! Это сравнение заставляет нас дрожать. Неужели Морилире пробовал человеческое мясо? Мы спрашиваем его об этом. Он лицемерно отвечает, что сам никогда не ел, но слышал, как хвалили его превосходный вкус. Гм!..

Наш первый завтрак ничуть не напоминает завтрака Английского кафе¹⁶, но тем не менее он превосходен. Судите сами: ягненок, зажаренный с просяной кашей, пирожное из маиса, фиги, бананы и кокосовые орехи. Салат — из сердцевины пальмы, питье — чистая вода из источника, протекающего у наших ног, а для желающих — пальмовое вино.

Этим различным кушаньям предшествовала закуска, которой не предвидел наш метрдотель¹⁷. Но не будем забегать вперед, как говорится в хорошо построенных романах.

Пока Морилире и его два помощника приготавливали нам объявленное кушанье, доктор

¹⁶ Одно из лучших кафе Парижа.

¹⁷ Метрдотель — распорядитель в ресторане.

Шатонней, приблизившись, дал нам на этот счет объяснения, которые я называю техническими.

— Об ягненке, — сказал он, — я не говорю; об этом вы знаете столько же, сколько я. Просо, которое его сопровождает на нашем столе, это злак, подобный хлебу. Смешанное с маслом из карите или из се, так как дерево, его доставляющее, носит оба эти названия, оно представляет достаточно съедобный соус при условии, что масло хорошее. Масло извлекается из плодов дерева, похожих на орехи или каштаны. Этого достигают целой серией отжиманий и плавлений, и, наконец, его очищают, растапливая в последний раз и бросая в него несколько капель холодной воды, пока оно кипит. Масло тогда становится весьма ценным.

— Вы все знаете, доктор, — восхитилась мадемуазель Морна.

— Нет, мадемуазель, но я много об этом читал, и особенно в замечательном труде капитана Бингера. И это позволяет мне объяснить, что такое салат из пальмы. Эти пальмы разделяются на мужские и женские экземпляры. Мужские не дают плодов, но доставляют превосходную плотную древесину, которая не гниет в воде и недоступна челюстям термитов¹⁸. Женские экземпляры дают

¹⁸ Крупные насекомые до двух сантиметров длины; живут большими «общинами». Термитов иногда неправильно

плоды, приятные на вкус. Листья пальмы употребляются на крыши для хижин, на изготовление вееров, циновок, веревок. Ими даже можно пользоваться, как бумагой. Вот полезное растение! А салат готовится из сердцевинки молодой пальмы в самом нежном возрасте...

Я перебиваю:

— Ну, доктор! Это элегия, честное слово! Доктор добродушно улыбается. Он продолжает:

— Конец моего рассказа будет менее поэтичен, потому что эту сердцевину иногда кладут в уксус и получают... корнишоны!¹⁹

Превосходный доктор продолжал бы свои научные объяснения, но наше внимание привлекли крики из лесу. Мы тотчас узнали, кто их испускает.

Держу пари, что, если бы я предложил вашим читателям вопрос: «Кому принадлежал этот голос?», они немедленно ответили бы хором: «Черт побери! Господину де Сен-Берену!»

Ваши читатели не ошиблись бы. Конечно, это Сен-Берен взывал о помощи.

Я бросился на его крик в сопровождении капитана Марсенея и Барсака. Мы нашли

называют муравьями.

¹⁹ Маринованные огурчики.

Сен-Берена в болоте, увязшего в грязь до пояса.

Когда мы вытащили его на сухое место, я спросил:

— Как вы попали в эту трясиину или в этот «мари-гот», выражаясь местным языком?

— Я поскользнулся, когда ловил, — ответил он, забрызгав меня грязью.

— На удочку?

— Необдуманый вопрос! Руками, мой дорогой!

— Руками?

Сен-Берен показал нам свой колониальный²⁰ шлем, завернутый в полотняный пиджак.

— Подождите, — сказал он, не ответив на мой вопрос. — Нужно осторожно развернуть мой пиджак, а то они ускачут.

— Кто они?

— Лягушки.

Пока мы беседовали, Сен-Берен ловил лягушек. Вот полоумный!

— Поздравляю, — одобрил Барсак. — Лягушки — питательная вещь! Но послушайте, как квакают те, которых вы поймали. Очевидно, не хотят быть съеденными...

²⁰ Белый, полотняный — для защиты от жарких лучей солнца.

— Если только они не просят, чтобы им прислали короля!²¹ — рискнул я пошутить.

Не слишком остроумно, признаюсь. Но в трущобе сойдет!..

Мы вернулись в лагерь. Сен-Берен переменял одежду, а Морилире зажарил плоды его охоты. Стол был накрыт, и мы ели с аппетитом: ведь мы проделали двадцать километров вверх.

Разумеется, мадемуазель Морна председательствовала. Она поистине была восхитительна. (Я это уже, кажется, говорил, но не боюсь повторений.) Простодушный, добрый ребенок с милыми мальчишескими манерами, она установила среди нас полную непринужденность.

— Дядюшка, — сказала она... (Итак, это все-таки ее дядя? Решено?). — Дядюшка воспитал меня, как мальчика, и сделал из меня мужчину. Пожалуйста, забудьте мой пол и рассматривайте меня как товарища.

Но это не помешало ей, говоря таким образом, адресовать капитану Марсенею одну из тех полуулыбок, которые ясно как день показывают, что у мальчиков такого сорта кокетство никогда не теряет своих прав.

²¹ Намек на басню Лафонтена: «Лягушки, просящие царя» На русский язык переведена И. А. Крыловым.

Мы выпили кофе, а потом, растянувшись на высоких травах в тени пальм, предались сладостному отдыху.

Отправление было назначено, как я уже говорил, в пять часов; но, когда понадобилось собрать конвой, оказалось, что он вышел в тираж, если осмелюсь употребить такое выражение.

Напрасно Морилире, когда пришло время, приказывал своим людям приготовиться. К нашему большому удивлению, они отказались, крича все разом, что они не видели луны, что они не отправятся до тех пор, пока не увидят луну!

Мы были ошеломлены, но ученый господин Тассен разъяснил нам эту тайну.

— Я знаю, что это такое, — сказал он. — Все исследователи рассказывали об этом в путевых отчетах. Когда месяц молодой, — а ему в этот вечер только двое суток, — негры обычно говорят: «Это плохой знак. Никто не видел луну. Дорога будет плохая».

— Иоо! Иоо! (Да! Да!) — шумно согласились погонщики и носильщики, столпившиеся вокруг нас, которым Морилире перевел слова ученого географа. — Каро! Каро! (Луна! Луна!)

Стало ясно, что если наш спутник будет продолжать отказывать в своем появлении, эти упрямы не согласятся отправиться. А было еще светло, и небо покрывали тучи.

Негры упорствовали, и, быть может, мы оставались бы на том же месте еще долго, если бы около шести часов бледный серп луны не показался среди двух тучек. Черные испустили радостные крики.

— Аллах та тула кенде, каро кутайе! — восклицали они, ударяя себя по лбу правой рукой. (Господь мне послал здоровье: я вижу новый месяц!)

Без всяких затруднений колонна двинулась.

Но мы потеряли два часа, и вечерний переход был, таким образом, сокращен.

Около девяти часов остановились в густом лесу и раскинули палатки. Впрочем, местность была не совсем пустынна. Направо от дороги стояла покинутая туземная хижина, а слева виднелась другая — обитаемая.

Капитан Марсенеи посетил первую и, найдя, что она достаточно пригодна, предложил мадемуазель Морна устроиться в ней на ночь. Она согласилась и исчезла в этом неожиданном отеле.

Но не прошло и десяти минут, как послышались громкие крики. Мы прибежали и нашли ее стоящей перед хижиной; она показывала на пол жестом отвращения.

— Что это? — спрашивала она.

Это были бесчисленные белые черви. Они вышли из земли и ползали по ней в таком

изумительном количестве, что почва как будто волновалась.

— Подумайте, господа, — сказала мадемуазель Морна, — как я перепугалась, почувствовав их холодное прикосновение к моему лицу, рукам! Я их нашла везде, даже в карманах! Я стала отряхиваться, и они градом падали с моей одежды. Пффф... Скверные твари!

Тем временем прибежал Сен-Берен. Он без труда нашел слово, чтобы охарактеризовать положение.

— Эх! — вскричал он с сияющим лицом. — Да ведь это червяки!

И это, действительно, были червяки, уж он-то в этом разбирается, господин де Сен-Берен!

Он наклонился, чтобы набрать их про запас.

— Твой в них не нуждается, — сказал Тонгане. — Много их на дороге. Они много скверные, везде попадаться. Невозможно все задавить.

Это обещает нам хорошие ночлеги! А туземцы, как они свыклись с этими легионами червей? Без сомнения, я подумал об этом вслух.

— Кушать их, мусье, — сказал Тонгане. — Вкусно!

Мадемуазель Морна, не обладавшая простыми вкусами обитателей этих краев, собирается попросту устроиться в одной из палаток, когда

Морилире сообщает ей, что молодая негритянка, служанка земледельца-негра, которого нет дома, предлагает ей гостеприимство в чистой хижине, где даже есть — невероятная вещь! — настоящая европейская кушетка.

Мадемуазель Морна принимает предложение, и мы торжественно провожаем ее в новое жилище. Служанка нас ждет. Она стоит возле одного из деревьев карите, о которых я уже говорил.

Это девочка среднего роста, лет пятнадцати. Она совсем недурна. Так как на ней нет никакой другой одежды, кроме простого листка, который, очевидно, не куплен «и в «Лувре»²², ни в «Дешевой распродаже», но «быть может, у весны», как тонко заметил Сен-Берен, то она походит на красивую статую из черного мрамора.

В данное время статуя очень занята тем, что собирает что-то в листве карите.

— Она собирает гусениц, которых выдавит, высушит и из которых — только не пугайтесь! — сделает соус, — объяснил доктор Шатонней, блестящий знаток негритянской кухни. — Эти гусеницы называются «сетомбо». Это единственно съедобные, и, кажется, у них приятный вкус.

²² Лувр — название одного из богатых парижских магазинов.

— Верно, — подтверждает Морилире. — Их вкусные! Миленькая негритянка, завидев нас, идет навстречу. К нашему большому удивлению, она говорит на довольно правильном французском языке.

— Я, — обращается она к мадемуазель Морна, — воспитана во французской школе, служила у белой женщины, жены офицера, вернулась в деревню во время большой битвы и попала в плен. Умею делать постель, как белые. Ты будешь довольна.

Она ласково берет за руку мадемуазель Морна и увлекает в хижину. Мы возвращаемся, довольные, что наша компаньонка хорошо устроилась. Но час сна еще не пришел ни для нее, ни для нас.

Не прошло и получаса, как мадемуазель Морна зовет нас на помощь. Мы бежим и при свете факелов видим неожиданное зрелище. На земле, у порога хижины, распростерта маленькая черная служанка. Ее спина исполосована красными рубцами. Несчастная отчаянно рыдает. Перед ней стоит, защищая ее, мадемуазель Морна, — она великолепна, когда гневается, — а в пяти шагах ужасный негр строит отвратительные гримасы, держа в руке палку.

Мы спрашиваем объяснений.

— Представьте себе, — говорит мадемуазель Морна, — я только что легла в постель. Малик, так

зовут маленькую негритянку, — хорошенькое имя, не правда ли, оно напоминает о Бретани? — Малик обмахивала меня, и я начала засыпать. И вот этот зверь, ее хозяин, внезапно вернулся. Увидев меня, он пришел в ярость, потащил бедное дитя и принялся избивать, чтобы научить ее, как водить белых в его хижину.

— Хорошенькие нравы! — ворчит Бодрьер.

Он прав, этот веселый Бодрьер! Но он неправ, когда, злоупотребляя положением, принимает ораторскую позу и раздражается следующим изумительным обращением:

— Вот они, господа, эти варварские народности, которых вам угодно превратить в миролюбивых избирателей!

Очевидно, он воображает себя на трибуне. Барсак вздрагивает, точно его укусила муха. Он выпрямляется и сухо отвечает:

— Обращайтесь к тем, кто никогда не видел, как француз бьет женщину!

Он тоже прав, господин Барсак!

Неужели нам придется присутствовать при состязании в красноречии? Нет: Бодрьер не отвечает. Барсак повертывается к негру с палкой.

— Эта малютка тебя покинет, — говорит он. — Мы уведем ее с собой.

Негр протестует: негритянка его невольница. Он за нее заплатил. Неужели мы будем терять

время, доказывая ему, что рабство запрещено на французской территории? Он все равно не поймет. Нравы преобразуются законами не в один день.

Господин Барсак находит лучший выход.

— Я покупаю твою невольницу, — говорит он. — Сколько?

Браво, господин Барсак! Вот хорошая идея! Негр видит случай сделать выгодное дело и успокаивается. Он просит осла, ружье и пятьдесят франков.

— Пятьдесят ударов палки! — отвечает капитан. — Ты их вполне заслуживаешь.

Стали торговаться. Наконец, мошенник уступает служанку за старое кремневое ружье, кусок материи и двадцать пять франков. Все это ему выдают.

Пока продолжается спор, мадемуазель Морна поднимает Малик и перевязывает ее раны, смазав маслом карите. Когда же сделка совершилась, она уводит ее в наш лагерь, одевает в белую блузку и говорит, положив ей в руку несколько монет:

— Ты больше не раба: я тебе возвращаю свободу.

Но Малик раздражается рыданиями: она одна на свете, ей некуда идти, и она не хочет покидать «такую добрую белую»: она будет служить у нее горничной. Она плачет, умоляет.

— Оставь ее, девочка, — вмешивается

Сен-Берен. — Она тебе, конечно, будет полезна. Она тебе окажет те тысячи мелких услуг, в которых женщина всегда нуждается, будь она даже мужчиной.

Мадемуазель Морна соглашается тем охотнее, что ей этого очень хочется. Малик, не зная, как выразить благодарность Сен-Берену, который заступился за нее, бросается к нему на шею и целует в обе щеки. Назавтра Сен-Берен признался мне, что никогда и ничто ему не было так неприятно!

Бесполезно прибавлять, что мадемуазель Морна не думала искать гостеприимства у туземцев в третий раз. Ей разбили палатку, и ничто больше не смущало ее сна.

Таков был первый день нашего путешествия.

Без сомнения, следующие будут очень походить на него. Поэтому я не буду рассказывать о них подробно, и, если не случится чего-либо особенного, руководитесь пословицей: «Ab uno disce omnes»²³.

Амедей Флоранс.

ВТОРАЯ СТАТЬЯ АМЕДЕЯ ФЛОРАНСА

²³ Цитата из «Энеиды» римского поэта Вергилия, означающая; «По одному суди о всех».

Вторая статья Амедея Флоранса была опубликована в «Экспансьон Франсез» 18 января. Вы ее найдете здесь целиком.

ЭКСПЕДИЦИЯ БАРСАКА (От нашего специального корреспондента)

Дни идут за днями. — Мой гость. — Балет! — Я совершаю нескромность. — Чудесная ловля господина де Сен-Берена. — Боронья. — Чтобы сделать мне честь. — Тимбо! — Сорок восемь часов остановки. — Буфет. — Даухерико. — Розовая жизнь в черной стране. — Прав ли господин Барсак? — Я оказываюсь в затруднении.

Даухерико. 16 декабря. Со времени моего последнего письма, написанного при дрожащем свете фонаря в зарослях в вечер нашего отправления, путешествие продолжалось без особенных происшествий.

2 декабря мы подняли лагерь в пять часов утра, и наша колонна, увеличившись на одну единицу, — осмелюсь ли я сказать, на пол-единицы, так как один белый стоит двух черных? — двинулась в путь.

Пришлось разгрузить одного осла, переложив на других его поклажу, чтобы посадить Малик. Маленькая негритянка, казалось, по-детски забыла недавние горести: она все время смеется. Счастливая натура!

Мы продолжали путь легко и спокойно, и если бы не цвет населения, нас окружающего, и не бедность пейзажа, можно было бы подумать, что мы не покидали Франции.

Пейзаж некрасив: мы пересекаем плоскую или чуть волнистую страну с небольшими возвышенностями на северном горизонте и, куда хватает глаз, видим только чахлую растительность — смесь кустарника и злаков высотой от двух до трех метров, носящую название «зарослей».

Кое-где попадаются рощицы деревьев, хилых по причине периодических пожаров, опустошающих эти степи в сухое время года, и возделанные поля, «луганы», по местному выражению, за которыми следуют обычно большие деревья. Все это свидетельствует о близости деревни.

Эти деревни носят глупые имена: Фонгумби, Манфуру, Кафу, Уоссу и так далее, я не продолжаю. Почему бы им не называться Нейльи или Леваллуа, как у людей?

Одно из названий этих поселений нас позабавило. Довольно значительный город, расположенный на английской границе Сиерра-Леоне и который мы поэтому оставляем далеко в стороне от нашего пути, называется Тассен. Наш великий географ немало возгордился, открыв такого однофамильца в ста тридцати шести